

The background of the book cover is a photograph of a dense forest with tall, thin trees and a thick canopy of green leaves. A large, intricate white spiderweb is superimposed over the entire scene, creating a complex, web-like pattern that partially obscures the forest. The lighting is soft, suggesting a misty or overcast day.

Татьяна Бердникова

**Паутина
времени**

16+

Татяна Бердникова

Паутина времени

«Автор»

2021

Бердникова Т. А.

Паутина времени / Т. А. Бердникова — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-98346-5

В заброшенном замке в лесу трое русских ребят находят солдата Второй мировой войны, который утверждает, что сейчас идет 1943 год. Пытаясь понять, что происходит, они узнают о существовании странного и загадочного существа – темпора, который и есть виновник происходящего. Друзья пробуют добрать до него, чтобы остановить безумные скачки времени, но тут двое из них исчезают... Для оформления обложки использовано изображение из личного архива автора!

ISBN 978-5-532-98346-5

© Бердникова Т. А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Татьяна Бердникова Паутина времени

Где-то позади взорвалась очередная мина, обрывая чью-то жизнь и, может быть, даже не одну. Свистнул в воздухе снаряд. Рассыпалась горохом автоматная очередь.

Они пригнули головы и, цепляясь друг за друга, поспешили углубиться в лес, закрываясь от ужаса позади его ветками, прячась под свисающим с деревьев мхом.

Один из них пошатнулся и, хватаясь за раскалывающуюся от боли голову, едва не упал, но был поддержан в последний момент товарищем. Тот, более сильный, более уверенный или, по крайней мере, менее пострадавший, поспешно потянул его вперед, заставляя шагать, заставляя скрываться в густом лесу.

– Быстрее, быстрее... – сорвался с его губ хриплый шепот, – Надо отойти как можно дальше, пока нас не задело!

Его товарищ с трудом кивнул и, преодолевая боль, борясь с застывшей глаза кровавой пеленой, кое-как поплелся вперед. Спутник помогал ему, поддерживал, ежесекундно оглядываясь и иногда рефлекторно пригибаясь.

Шум битвы оставался все дальше за спиной, но ему казалось, что они по-прежнему в ее эпицентре.

В конечном итоге, когда бы это солдаты ограничивали себя строго очерченным полем боя? Если бы это было так, не страдали бы мирные поселения, не гибли бы ни в чем не повинные жители...

– Давай же, еще! – он подтолкнул своего спутника и, видя, что тот почти теряет сознание, подхватил его и поволок. Он не мог позволить ему умереть, не здесь, не сейчас, не теперь, черт возьми! Не тогда, когда они почти вырвались из этого Ада на земле, когда они почти спаслись...

Война прокатится мимо, пройдет вперед. Их не заметят, их оставят здесь, а они отсилятся в укрытии и, когда все поутихнет, вернуться домой. Они ранены – их не сочтут дезертирами, они спишут все на контузию, сокрут, что заблудились...

– Только не умирай, – пробормотал он и, прилагая почти нечеловеческие усилия, сделал еще несколько быстрых шагов вперед.

Звуки войны за спиной внезапно исчезли, настолько резко, что ему почудилось, будто он оглох. Над головой запела птица, одна, другая, третья...

Он непонимающе оглянулся назад. Лес, лес, кругом только лес, и он совсем не слышит звуков боя! Как это странно, как... неправильно? Такого же не должно быть, так не бывает, это...

А, к дьяволу все это. Если Бог послал им спасение – не надо пытаться вернуться в Ад.

Он перехватил товарища половчее и, словно обретая силу, уверенно потащил его вперед.

Вот шаг, еще шаг... Зеленые ветви, скользкие и в то же время бархатистые от покрывающего их мха, мягко расступились, пропуская двух усталых путников на когда-то бывшую большой, но сейчас уже сильно заросшую поляну.

– Пришли... – молодой человек медленно выдохнул и, всем существом своим ощущая, что пришли они действительно туда, куда следовало, опустил взволнованный взгляд на спутника. Тот, к его удивлению, немного опомнился, и теперь стоял вполне твердо, изумленно и зачарованно созерцая предстающий их взглядам пейзаж.

На поляне, занимая ее всю, целиком, путаясь в ветвях подступающего все ближе леса, раскинулись руины некогда величественного замка. Высокая башня с несколькими примыкающими к ней частями постройки была еще цела, но большая часть строения уже обвалилась, воздевая теперь к небу свои неровные края. В зыбком сумраке подступающей ночи они похо-

дили на каких-то неведомых чудищ, и на более ослабленного путника произвели сильное впечатление.

– Ты... уверен, что нам туда надо?... – он сглотнул и сделал неловкую попытку отступить в лес. Его товарищ, услышав это, оглянулся через плечо, слегка приподнимая брови.

– Сейчас война, Фридрих. Неужели ты думаешь, что можно быть в чем-то уверенным?

– Я уверен в том, что наш полк разбит, – угрюмо отозвался названный Фридрихом, – Уверен, что нам надо скрыться, пока никто не узнал, что мы живы. И уверен, что больше всего на свете я хотел бы окончания этой бессмысленной войны... – он поднял руку, осторожно касаясь собственного виска. Там, скрытая в крови, кажущейся в наступающей тьме черной, напоминала о себе тупой болью рана.

Его товарищ вздохнул и, обернувшись, ободряюще положил руку ему на плечо. По бледным губам его скользнула слабая тень улыбки.

– Она закончится, Фридрих. Обязательно закончится, надо только подождать...

Фридрих, раздраженный этими бессмысленными словами, резко скинул руку товарища. На рукаве его мелькнула красной полосой нашивка со знаком свастики в белом круге.

– Ты не можешь знать наверняка! – он шагнул вперед, ближе к руинам, обходя спутника. Быстрые движения отозвались в поврежденной голове болью, и он пошатнулся.

– Ты не можешь знать... – повторил он уже тише и, опустив голову, осторожно покачал ей, – Я боюсь, я не доживу до рассвета, Вольфганг. Мы можем укрыться здесь, но... Я уже видел такие раны, как у меня. В том полку, где я был прежде, приказывали добивать тех, кому пробило голову, потому что вылечить таких было невозможно. Я не исключение. Если бы в этих руинах находился госпиталь, я бы, может, и протянул чуть дольше, но здесь пусто...

– Ты тоже не можешь знать наверняка, – Вольфганг, хмурясь, поддержал товарища и, не желая слушать его дальнейших возражений, аккуратно повел к замку, – Никто не знает, сколько ему отмерено, Фридрих, никто! Тебе нужно немного отдохнуть, я попробую осмотреть твою рану. Быть может, несмотря на боль, это всего лишь царапина.

Фридрих слабо усмехнулся.

– Приятно, когда рядом есть человек, который во всем видит хорошее, – заметил он и, покорно принимая поддержку друга, оперся о его руку, шагая вперед и не прекращая прижимать к ране руку.

Идти было недалеко – лес подступал к останкам древнего замка вплотную, да и выбрались из него молодые люди как раз неподалеку от дверей. Единственной проблемой, предстоящей пред ними, были запутавшиеся в высокой траве камни – части обвалившихся стен.

И если Вольфганг, усталый и тоже немного пострадавший в последнем бою, но чувствующий себя все-таки не в пример лучше товарища, перешагивал через них вполне успешно и, хоть и спотыкался порой, особенного значения этому не придавал, то с Фридрихом дело обстояло иначе. За те несколько минут, что потребовались им, чтобы добраться до заветного входа, он, постоянно спотыкаясь и путаясь ногами в траве, вымотался настолько, что к концу пути на спутнике уже почти висел.

Оставалось сделать всего несколько шагов, когда он остановился и шумно выдохнул.

– Погоди... мне нужно передохнуть.

Вольфганг послушно остановился – товарищем он дорожил и причинять ему дополнительного дискомфорта не хотел, тем более, что сейчас время позволяло сделать маленький перерыв.

Фридрих, тяжело дыша, согнулся, упираясь одной рукой в собственное дрожащее колено и переводя дух. Спутник, продолжая поддерживать его, напротив, поднял голову, оглядывая окрестности и, наконец, устремляя взгляд на небо.

По губам его скользнула задумчивая, грустноватая улыбка.

– Уже ночь, должно быть, – негромко отметил он, – Хотя еще и не слишком темно. Как странно... на небе всего две звезды.

Фридрих с хрипом втянул воздух и, сделав над собою усилие, кое-как выпрямился, тоже поднимая взгляд к небу. Над вершиной полуразвалившейся башни, очень симметрично располагаясь по сторонам от нее, и в самом деле сияли две крупные, яркие звезды.

Вокруг негромко шумел лес, утопая в вечернем полумраке, посвистывали и покрикивали где-то в ветвях запоздалые птицы – царило сплошное умиротворение, а свет двух ярких звезд над полузаросшими руинами сообщал этому месту ореол волшебства.

Казалось, и не шло совсем рядом жестокое сражение, словно и не было никакой войны.

– Удивительное место... – пробормотал Вольфганг и, глубоко вдохнув свежий лесной воздух, тряхнул головой, заставляя себя вынырнуть из морока мимолетного очарования, – Ладно, идем. Внутри всяко лучше, чем снаружи – там, по крайней мере, ветер не продувает.

Фридрих не ответил, не сводя замороженного взгляда со звезд.

– Как будто наши души... – слетел с его губ почти испуганный, суеверный шепот, и спутник его мимолетно закатил глаза.

– Наши души пока что при нас, прекрати! – резковато бросил он и, принимая решение сам, уверенно повлек спутника к большим дверям темного дерева.

Распахнулись они тяжело, с некоторым трудом, разогнав умиротворенную тишину жутким, визжащим скрипом.

Фридриха этот скрип словно пробудил ото сна, и он, вздрогнув, огляделся уже не столь замороженно и даже почти осмысленно.

Внутри ничего страшного или даже хоть сколько-нибудь особенного их не ожидало. Освещение в башне, как того и следовало, в общем-то, ожидать, отсутствовало, но сероватый сумрак, проникающий сквозь окна с улицы, все-таки позволял разглядеть обстановку.

Роскошной она не была. Не была и особенно впечатляющей – друзья находились на пороге самого обычного заброшенного помещения, такого же, как и сотни других, уничтоженных и разоренных войной.

Перед ними, начинаясь шагах в десяти от главного входа, уходила куда-то вверх широкая лестница, застеленная пыльным от времени, некогда красным ковром. На лестнице в беспорядке валялись какие-то книги, листки бумаги, вырванные страницы, столовые приборы, подсвечники – все говорило о том, что покидали это место в спешке, бежали, как от огня, не слишком беспокоясь о скарбе.

Справа от них была глухая стена; слева виднелась маленькая дверца, ведущая, должно быть, в единственную комнату на первом этаже – замок, даже в лучшие свои годы, по-видимому, не был большим, да и вообще состоял словно бы из одной башни, где они сейчас и находились. Ожидать чего-то особенного от него было трудно, да, впрочем, путники и не ждали – им было решительно не до изучения красот наполовину уничтоженного древнего строения.

Вольфганг, сглатывая и пытаясь утаить внезапно охвативший его трепет перед этим покинутым местом, уверенно шагнул вперед, продолжая поддерживать друга. Слишком далеко забираться вглубь древнего строения не хотелось – неизвестно, когда война вновь найдет их, лучше иметь возможность своевременно обратиться восвояси.

Он подвел растерянно озирающегося Фридриха к лестнице, окинул ее долгим взглядом и вздохнул. Нет, подняться по ней нереально в любом случае – даже ему это было бы тяжело, а значит, оказывать помощь придется прямо здесь, и следует это сделать как можно лучше. Хоронить друга Вольфгангу не хотелось.

– Садись, осторожнее... – он аккуратно помог Фридриху опуститься и, ободряюще улыбувшись, встал рядом с ним на одно колено, – Сейчас я взгляну, а потом мы попробуем...

– Что это?! – Фридрих дернулся, как от удара и, дикими глазами посмотрев на опешившего друга, устремил взгляд куда-то вниз, будто силясь пронизать им ступени лестницы, – Ты... ты слышал?

– Нет, – Вольфганг нахмурился, осторожно поводя головой из стороны в сторону. Настроение, и так-то не слишком радужное, испортилось еще больше.

Он действительно ничего не слышал, для него вокруг царила абсолютная, стопроцентная тишина, не нарушаемая даже лесными звуками, которые просто не проникали за толстые стены башни, и поведение приятеля откровенно настораживало. Уж не результат ли это ранения, уж не мерещатся ли ему какие-то звуки? Если так, то дело гиблое – рана серьезна, и как лечить ее, неизвестно.

– Фридрих... – он все-таки попытался успокоить друга, – Позволь мне осмотреть твою рану. Потом мы разберемся...

– Я слышал ребенка, Вольф! – Фридрих, определенно не собираясь слушаться приятеля, завертел головой, затем вновь опуская взгляд вниз, – Сейчас слышу... Он зовет на помощь, плачет! Дьявол...

Вольф кашлянул, честно пытаясь придумать, каким образом успокоить взволнованного человека, которого явно посетили галлюцинации.

– Но в этом месте не может быть детей, – он аккуратно сжал руку товарища поверх нашивки, – Фридрих, я прошу тебя – успокойся. Мне нужно осмотреть твою рану, потом мы можем попробовать...

Фридрих, с неожиданной для раненого силой, вдруг рванулся и поднялся на ноги, нервно озираясь.

– Он зовет меня... зовет нас, Вольфганг! Откуда-то снизу, там, там... – он зашарил взглядом вокруг и, наконец, радостно вскрикнув, бросился куда-то за лестницу, туда, где, казалось, ступени почти вплотную примыкали к глухой стене.

Вольф обреченно вздохнул и поспешил за товарищем.

Как выяснилось, стена примыкала к лестнице не вплотную – между ней и ступенями еще оставался достаточный зазор, чтобы пробраться... куда? Фридрих уверенно протискивался в узкий проход, судя по всему, совершенно убежденный, что поступает, как надо; Вольфганг, мысленно костеря на чем свет стоит и войну, и башню, и друга, и его галлюцинации, следовал за ним.

– Смотри! – в голосе раненого зазвучала небывалая живость, и Вольф немного прибавил шаг: что могло вдруг так обрадовать друга, он не представлял.

Оказалось, что радость его вызвало явление довольно странное – Фридрих стоял на краю крутой лестницы, уходящей куда-то вглубь, должно быть, в подвалы заброшенного замка, очень темной, пыльной и совершенно не внушающей доверия.

В конце лестницы смутно горел свет.

– Стой! – видя, что друг так и рвется броситься вниз, Вольфганг ухватил его за плечо, не желая позволять этого, – С ума сошел?! Может, здесь засада, может, нас там ждет смерть!

Фридрих обернулся, окидывая его нескрываемо удивленным взглядом.

– Там ребенок, – растерянно и, вместе с тем, с непогрешимой уверенностью возразил он и, сам ухватив друга за запястье, резко шагнул вперед.

Вольф едва удержался, чтобы не загреметь вниз по лестнице и, поддерживая так и рвущегося вперед приятеля, принялся осторожно спускаться вместе с ним.

Чем ниже они спускались, тем больше росло и ширилось в его душе подозрение, предчувствие чего-то плохого, может быть, даже совершенно ужасного... и тем больше воодушевлялся Фридрих.

Вот уже миновали последние ступени, вот ноги Фридриха осветил неверный, дрожащий отсвет, а вот он и высветил всю его фигуру.

Вольфганг, хмурясь, замедлил шаг, остро жалея, что сейчас безоружен. Надо было хоть что-то острое с поля боя забрать, как это он не подумал... Должно быть, слишком волновался за своего безрассудного друга, хотел побыстрее его вывести из того адского места, спасти... чтобы привести сюда.

– Ого... – Фридрих, шедший впереди, внезапно замер, приоткрывая рот. На лице его, освещенном дрожащим светом пламени, отразился ужас, и друг поспешил приблизиться, выглядывая из-за его плеча.

Губы дрогнули; брови поползли вверх. Такого увидеть он не ожидал, и не был готов даже после всего, что ему уже довелось лицезреть в своей жизни. Особенно за последние несколько лет.

Они стояли на краю не слишком большого, но довольно вместительного подвала, действительно озаренного светом – по стенам его ярко полыхали факелы.

Подвал был завален костями. Человеческими костями.

Это не был склеп, это больше походило на братскую могилу, причем очень и очень древнюю – сплошные скелеты, голые кости, побелевшие от времени, и ничего больше.

– Помогите... – детский голосок, разорвавший страшную, мертвящую тишину подземного склепа, голосок, донесшийся теперь и до Вольфганга, заставил друзей вздрогнуть и перегляднуться.

Фридрих сглотнул, неуверенно шагая вперед; Вольф нахмурился.

– Где ты? – он огляделся, пытаясь увидеть ребенка, единственного, должно быть, кто остался в живых в этом страшном месте, – Мы тебя не обидим, малыш, покажись!

Кости возле дальней от лестницы стены зашевелились, и Фридрих отшатнулся. Вольфганг постарался держать себя в руках.

Мелькнуло темное пятно среди сплошной белизны и, наконец, из-за импровизированной стены, сложенной из того, что было некогда человеческими телами, появилась голова десятилетнего мальчугана.

Он жалобно шмыгнул носом и, сжавшись, уставился на двух солдат дикими глазами.

– Не... не убивайте меня... дяденьки... – пролепетал он.

Фридрих почувствовал, как защемило сердце.

– Мы не тронем тебя, – он поднял руки, преодолевая боль и страх и, шагнув вперед, пинком отбросил попавшийся под ноги череп, – Иди сюда, малыш, мы поможем тебе!

Вольфганг, не слишком одобряя поведение друга, предпочел остаться на месте. Что-то ему не нравилось во всем этом – и в месте, и в мальчике, и вообще в самой ситуации, что-то царапало, казалось странным, но что – объяснить он не мог.

– Кто ты? – он оставался на месте, глядя, как Фридрих, расталкивая, распахивая кости, приближается к мальчугану. Тот промолчал, внимательно следя за подходящим солдатом.

Наконец, Фридрих приблизился и, испытывая удивительное чувство легкости, потрясающее ощущение возвращающегося здоровья, подхватил ребенка на руки, прижимая к себе и улыбаясь.

Мальчик улыбнулся в ответ, и Вольфганг ощутил, как сжалось сердце. В этой детской улыбке было что-то дьявольское.

– Кто же ты... – еще раз повторил он, уже скорее испуганно, растерянно, чем действительно желая знать ответ.

Мальчик повернул голову в его сторону, и черные глаза его, отразив свет факелов, словно вспыхнули огнем.

– Я – темпор, – негромко вымолвил он. Вольфгангу почудилось, что факелы засияли ярче; земля ушла у него из-под ног.

Он еще успел подумать, что страха в голосе мальчугана больше определенно нет, а после сознание поглотила глухая тьма.

– Ну, все, значит, заблудились! – девушка негодуяще топнула ногой, – Вот я сразу говорила – навигаторам доверять нельзя! Они всегда заводят в глухую глушь...

– Перестань паниковать, – один из ее спутников, высокий молодой человек со светло-пшеничными волосами, собранными на затылке в короткий хвостик и пронзительными синими глазами, недовольно поморщился и еще раз встряхнул телефон, – Батарейка, что ли, села...

– А кругом лес, – подлил масла в огонь еще один парень, ростом бывший чуть ниже своего спутника, черноволосый и сероглазый, – Розеток нет, тока нигде не достанешь... Паш, куда ты нас завел?

– Да не я вас завел! – Паша недовольно махнул телефоном и, обреченно сунув его в карман, развел руки в стороны, – Ну... ладно. У кого есть идеи, как нам отсюда выбраться?

Девушка надулась, обхватывая себя руками. Холодно ей не было, но так она выглядела более несчастной и недовольной, а зная об этом, сполна пользовалась.

– У меня одна идея – убить провожатого, – противным голосом сообщила она и, тоскливо окинув взглядом толстые стволы деревьев вокруг, тяжело вздохнула, – Здесь даже указателей нигде нет.

– Указатели в лесу – да ты просто гений! – Паша фыркнул и, чувствуя себя в определенной степени ответственным за провал экспедиции, отогнул ближайшую к нему ветку, освобождая путь, – Вспоминаем школу – будем ориентироваться по мху. Где он там расти должен?

– Не знаю, кому и что он должен, но здесь он растет везде, – парировала девушка и, поморщившись, осторожно переступила через толстый зеленый корень, – Ладно... ты провожатый – ты и веди.

Второй парень недовольно передернул плечами и, пожившись, плотнее запахнул легкую куртку.

– И куда мы с таким провожатым выйдем? Того и гляди какую-нибудь избушку людоеда найдем, или кто там в старых немецких сказках в лесах подстерегает?

– Скормим ему Пашку, – предложила девушка, – Как зачинщика всей экспедиции.

– Тата! – Пашка негодуяще обернулся, – Если ты продолжишь в том же духе, клянусь – специально людоеда найду и скормлю ему тебя! Женщины, между прочим, деликатес для каннибалов – они нежнее и все такое.

Тата открыла рот, безмерно желая что-то сказать, но второй из спутников опередил ее.

– Странно, не замечал за тобой прежде такой осведомленности... Нам, по ходу, поостеречься пора – людоед у нас с собой.

– Не лезь, Марк, – огрызнулся несколько выведенный из равновесия Пашка и, демонстративно повернувшись вперед, зашагал сквозь лес, бурча себе поднос, – Вот ведь брат и сестра – одна сатана, вечно против меня объединяются, нет бы что хорошее предложили...

Тата с Марком, прекрасно слышащие это ворчание, переглянулись и, старательно пряча совершенно одинаковые улыбки, последовали за своим недовольным провожатым.

Они знали, что он, в сущности, не виноват – такое могло случиться с кем угодно, любое путешествие по навигатору могло завершиться где-нибудь в чаще из-за сбоя программы, – и, в общем и целом, не слишком-то и винили его. Но подтрунивать им хорошее отношение к приятелю никогда не мешало, и тем более сейчас, когда Павел сам вызвался вести их небольшой отряд, утверждая, что уже бывал в лесах Германии и кое-что о них знает.

Теперь же выяснялось, что так далеко его познания не простираются, и думать, как выбраться, предстоит всем вместе, а думать пока особенно не хотелось.

Брат с сестрой паники особенной не ощущали, леса любили всегда, и сейчас, пока еще не успевшие устать, шагали за Пашкой абсолютно спокойно, с любопытством озираясь по сто-

ронам. Единственное, Марку было немного прохладно, но и это не внушало беспокойства – мерз молодой человек постоянно.

– Вообще, здесь, похоже, не ступала нога человека, – задумчиво протянул он, постучав по ближайшему дереву, – Лес древний какой-то, сейчас таких уже мало осталось. Все вырубил.

– Хорошо, что осталось хоть что-то, – откликнулся спереди блондин и, чуть поникнув, мрачно добавил, – Плохо, что мы в этом «что-то» заблудились.

– Паш... – Тата задумчиво поправила челку, – А в отеле ты случайно не говорил, куда мы идем? Я к тому, что, может, если мы не вернемся, они спасательный отряд снарядят или что-то вроде этого...

– Да нет, мне и в голову такое не пришло, – Пашка тихонько вздохнул, – Чего откровенничать с портье? Или с горничными? Мы же толком и не прощались с ними – ушли себе и ушли, мало ли, куда трех русских понесло!

– Понятно, – девушка угрюмо опустила голову, – Значит, нас не то, что не найдут – нас даже искать не станут!

Брат мимолетно сжал ее руку, успокаивая и решительно выступил вперед.

– Главное – держаться вместе! Если блуждать, то хоть не по одиночке, может, так будет больше шансов.

– Шансов на что? – Пашка повернулся спиной вперед и продолжил идти так, – Марк, але! Навигатора нет, мой телефон сел, а у вас связь не ловит, ты, по-моему, вообще не в роуминге! Какие у нас вообще могут быть шансы? Разве что на какую-нибудь деревушку наткнемся, или на хижину какой-нибудь... – он ожидаемо запнулся о корень и, с размаху упав на спину, негодуя ухнул, запрокидывая голову. Рот его приоткрылся; брови поползли вверх.

– Ведьмы... – ошарашенно закончил парень и, ловко извернувшись, приподнялся на руках, обалдело глядя куда-то вперед, – Ребят... ну, что-то мы точно нашли...

Марк с Татой, быстро переглянувшись, заспешили к товарищу, желая не то помочь ему подняться, не то просто увидеть то, что он обнаружил. Девушка, впрочем, действительно попыталась помочь приятелю встать, но вот брат ее, сраженный наповал, даже не подумал об этом.

Взгляд его был прикован к развалинам, руинам старинного замка, раскинувшимся среди леса; к одинокой башне, высящейся над верхушками деревьев.

Паша встал, не столько цепляясь за девушку, сколько сам поддерживая ее и, столь же ошарашенный, как и друг, неуверенно шагнул вперед.

Спутники его остались позади.

– Пашенька... – Тата сглотнула, непроизвольно прячась за брата, – А твой навигатор такое вообще показывал? Предупреждал? А то, может, он нас сюда и вел, а мы просто что-то не поняли...

Пашка медленно повел головой из стороны в сторону. *Такого* его навигатор точно не показывал и это он помнил совершенно четко.

– Не-а... у меня вообще на карте такой фигни не было, это... это вообще что? Замок? Поместье забро... в смысле, разрушенное? Дворец какой-нибудь королевский?

– Угу, от которого осталась только башня с останками принцессы, – фыркнул Марк и, покосившись на сестру, мимолетно поморщился, – Да ладно, тут, во всяком случае, передохнуть можно. Есть, куда присесть, может, даже прилечь... и вообще, ребят, вдруг здесь есть люди? Вдруг нам кто-то как-то поможет?

– Меня терзают смутные сомнения, – отозвался Пашка, однако, сделал еще один шаг вперед и даже поманил друзей с собой, – Идемте, чего вы там застыли, как памятники? Мне одному страшно.

– Мужчина! Защитник! – съязвила девушка и, потянув брата за руку, осторожно приблизилась вместе с ним к другу, а потом уже с ними обоими – к дверям башни.

– Кто рискнет толкнуть? – Павел обвел заинтересованным взглядом своих спутников, – Что, опять никто? Опять только я?

Марк пожал плечами и, отступив, сделал приглашающий жест в сторону темных дверных створок. Самому парню заниматься физическими упражнениями, пытаясь открыть, скорее всего, плохо поддающиеся двери не хотелось, поэтому он предпочел свалить это все на друга.

– А я вообще девушка, – Тата поспешила отступить вместе с братом, – А ты нас привел сюда, так что давай! Дерзай!

– Вот чувствую себя каким-то древнерусским богатырем, – Пашка передернул плечами и, примерившись, сильно толкнул тяжелую створку.

Девушка зажала уши. Резкий скрип, жуткий скрежет, прокатившийся, казалось, по всему лесу, не предвещал, по ее мнению, ничего хорошего.

– Еще, чего доброго, хозяев разбудим... – пробормотал тоже изрядно впечатленный Марк, – Паш, ну чего там?

– Да ничего, – Павел, по-прежнему остающийся снаружи, осторожно заглянул внутрь, – Пыль какая-то, грязь, листки бумаги... О, подсвечник. И... ох, блин! – он неожиданно подался вперед, исчезая в дверях.

Родственники, переглянувшись, поспешили к нему, опасаясь, что провожатого придется от чего-нибудь спасать.

– Ох, ё... – Марк остановился, перегораживая сестре обзор и приоткрыл рот, – Похоже, спасать надо не его...

– Да что такое-то? – Тата, вполне взволнованная и недовольная поведением брата, уцепилась за его плечо, вытягивая шею и выглядывая из-за него. Брови ее поползли вверх.

Да, пожалуй, спасать надо было вовсе не растерянного Пашку. Да и вообще неизвестно, получится ли спасти этого человека, и надо ли... Хотя как раз в последнем сомнений нет.

Девушка осторожно выступила из-за брата, в упор глядя на распростертого на длинной лестнице молодого человека в сером военном мундире с красной нашивкой на рукаве. На красном фоне ясно выделялся белый кружок с черным значком свастики.

– У него звездочка там... – Пашка неуверенно кивнул, потом указал на погоны незнакомца, – Наверное, за полевые заслуги или за что там... Черт, да о чем я вообще! Тут валяется немецкий офицер в форме СС, ребята, бежать надо!

– Не дури, – оборвал его друг, – Война давно в прошлом, СС тоже, а этот парень... ну, либо он выпал из времени, либо здесь играют в какой-нибудь квест.

Тата, некоторое время молчавшая, осторожно шагнула вперед, вглядываясь в бледное лицо неизвестного, изучая взглядом четкие губы, прямой нос, черные ресницы, растрепавшиеся каштановые волосы, чуть скрывающие собою высокий лоб...

– Господи... – слетело с ее губ, – Да он красив, как Дьявол!

Парни за ее спиной переглянулись и синхронно закатили глаза. О страсти своей спутницы видеть во всех мало-мальски симпатичных парнях роковых красавцев оба прекрасно знали, и относились к этому с большой настороженностью.

– Этого еще не хватало, – пробормотал Марк, – Эй, але, гараж! Отойти от парня! Твой последний «красивый, как Дьявол» тебя чуть не изнасиловал, забыла?

Тата недовольно оглянулась через плечо.

– Девушки имеют право на маленькие ошибки! Этот не такой, у него лицо доброе... и вообще...

– Ага, какого-то эсэсовца она красавцем считает, а на меня даже смотреть не хочет, – Пашка обиженно надул губы и демонстративно поправил на затылке хвостик. Девушка обратила к нему удивленный взгляд.

– Почему? Ты симпатичный, я всегда это признавала. Но у нас с тобой ничего не выйдет – ты же друг моего брата. Ты ему будешь рассказывать то, что ему не надо знать.

Пашка растерянно заморгал.

– Чего это я буду ему рассказывать?

– Так, стоп, чего это мне не надо знать? – Марк, хмурясь, шагнул к сестре. Та легко пожала плечами и, очаровательно улыбнувшись, ткнула в его сторону пальцем.

– Вот видишь, ему уже интересно. Так что с этим нацистом-то делать будем?

Пашка немного насупился и красноречиво потер руки друг о друга. Со стороны это выглядело так, будто парень собирается набить незнакомцу морду.

– Да чего с ним делать, надо в себя привести. Если тут и был какой-то квест, парень явно отстал от своих и, по ходу, навернулся с лестницы. Иначе с чего бы ему терять сознание? Так... – он кашлянул и попытался взять дело в свои руки, – У кого-нибудь есть нашатырь?

Его друг, хмыкнув, скрестил руки на груди. Нашатыря у них, понятное дело, с собой не было, да и быть не могло – отправляясь в путь, молодые люди как-то не предполагали терять сознание и средствами первой помощи не озаботились.

– Нашатырь еще не него тратить. По щекам надавай – и нет проблем. Если он типа «солдат», должен быть и не к такому привычен.

– Ты злой, – девушка недовольно глянула на брата и надула губки, однако, возражать против кардинальных мер не стала. В конечном итоге, незнакомца действительно следовало как-то привести в себя, и других вариантов, как это сделать, не могла предложить даже она сама.

Пашка пожал плечами и, размяв руки, легко взбежал на несколько ступеней вверх, приближаясь к незнакомцу. Присел рядом с ним на корточки, вздохнул и, наконец, легонько стукнул его сначала по одной щеке, затем по другой. Помедлил и, не дождавшись реакции, ударил посильнее.

– Он живой вообще? – Тата, как-то сразу забывая, что на брата обижена, испуганно прижалась к нему. Марк обнял ее за плечи.

Пашка пожал плечами и еще разок стукнул незнакомца, уже собираясь отойти, сказав, что ничего не выходит... но тут с бледных губ слетел тихий стон.

Девушка, мигом всполошившись, вырвалась из объятий брата и, сама взлетев по ступеням, присела рядом с неизвестным, осторожно убирая пряди волос с его лба.

– Эй... – она напряженно облизала пересохшие губы, – Эй, ты живой?

Темные ресницы дрогнули и медленно поднялись. Тата замерла.

Глаза, смотрящие на нее, поражали своей глубиной, своим удивительным цветом – вроде бы серые, а может быть и зеленые, светлые, ясные и в то же время маняще-глубокие, поразительные и потрясающие.

Несколько секунд незнакомец бессмысленно смотрел перед собой. Потом с явным усилием поднял руку и, проведя ею по лицу, еще раз оглядел своих спасителей.

– Wer sind sie?.. – слетел с его губ слабый вздох.

Пашка с Татой переглянулись и синхронно отшатнулись. Марк, моргнув, осторожно приблизился к ним, глядя с некоторого расстояния.

– Та-ак... – протянул он после некоторого раздумья, – Кто-нибудь из нас знает немецкий?

Его друг сглотнул и неловко потер переносицу. На лице его прорисовалась смущенная улыбка.

– Я... когда-то в школе учил...

– Ага, я тоже, – поддакнула девушка, – Только вряд ли это сейчас поможет. Он... он спросил... что?

– Ну, спросил-то он, полагаю, кто мы такие... или, может быть, где он находится... – Марк тяжело вздохнул, – Паш, давай, пошевели извилинами! Хоть что-то элементарное ты помнишь?

Немец, внимательно слушающий их разговор, неожиданно нахмурился и вжался спиной в ступени. Взгляд его стал затравленным.

– Die Russen? – испуганно пробормотал он, – Sind sie Russen??

На несколько секунд в башенке воцарилась тишина. Ребята переглядывались, пытались понять, как реагировать на неожиданный, но, в целом, вполне понятный вопрос, пытались и не зная.

Наконец, Пашка собрался с духом.

– Ja... – осторожно отозвался он, медленно выдохнул и, покосившись на друзей, пожал плечами, – Парень, по ходу, неплохо вжился в роль. Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю – он нас боится.

– Спроси, как его зовут, – девушка прижала руки к груди, – Надо же хоть что-то узнать и понять!

– Ща, – Пашка серьезно кивнул и, набрав в грудь побольше воздуха, с явным сомнением выдал, – Wie... wie heisst du?

Парень сглотнул, испуганно оглядел их и, сделав неловкую попытку отползти назад по лестнице, хрипло выдавил из себя:

– Wolfgang.

– Его зовут Вольфганг, – перевела Тата, пожимая плечами, – Красивое имя для красивого парня.

– Спасибо, кэп, – буркнул ее брат и, хмыкнув, потер лоб, – Интересно, он не этот... не Амадей Моцарт? А то мало ли, вдруг мы столкнулись с музыкальным гением, а не проявляем должного почтения...

– Я уже говорила, что ты злой? – сестра недовольно поморщилась в его сторону, – Чего делать-то будем? Парню явно плохо, надо же как-то... что-то... помочь. А мы даже не понимаем, что он говорит...

– Ich habe Durst... – пробормотал Вольфганг, переводя взгляд с одного из русских на другого, – Bitte...

Они опять переглянулись. Тата внезапно ощутила себя нашедшей чужую тамагочи, и не знающей, что делать, чтобы выращенный кем-то электронный зверек не умер.

– Он чего-то хочет... – неуверенно пробормотала она, – Просит, говорит «пожалуйста»...

– У него что-то есть! – возразил Пашка, – Я точно помню, «haben» – иметь! Вообще, вспомни Рамштайн...

– Wasser! – взмолился немец, не в силах слушать неизвестную речь, – Bitte, Wasser!

Марк тихонько вздохнул и, уверенно сняв с плеч маленький, наполовину пустой рюкзак, выудил из него бутылку воды.

– Тоже мне, полиглоты, – он покачал головой и, открутив крышку, аккуратно подал Вольфгангу, – Парень пить хочет, а вы тут школьную программу вспоминаете.

Немец с трудом подался вперед и, схватив бутылку, с жадностью прильнул губами к ее горлышку, поглощая воду. Друзья, виновато переглядываясь, настороженно следили за ним; девушка взволнованно искала взглядом возможные повреждения.

На первый взгляд ничего страшного как будто не наблюдалось, однако, заметив, что серый мундир кое-где заляпан кровью, Тата насторожилась. На игру это уже не походило – кровь была, судя по всему, вполне настоящей, да еще и давно высохшей, и вряд ли это можно было считать лишь атрибутом роли.

– У него явно что-то случилось... – неуверенно пробормотала она, следя за тем, с какой жадностью парень пьет, – И меня все-таки смущает, что он нас боится.

– Danke... – немец осторожно протянул Марку обратно бутылку и, глубоко вздохнув, прижал руку к груди, – Danke! Sie sind gut...

– На том спасибо, – Пашка с тяжелым вздохом сел на ступеньке ровнее, и попытался хоть как-нибудь наладить контакт, – Слушай, парень, мы тебя не обидим, честно. Мы хорошие! Смотри, я – Павел...

– Paul? – неловко повторил немец. Парень почесал в затылке.

– Ну... пусть будет Пауль, да. Продолжим. Вот это – Тата, – он указал на девушку. Та приветливо помахала рукой.

– Вообще-то Татьяна, но для красивых мальчиков...

Новоявленный Пауль недовольно махнул в ее сторону рукой, и указал на друга.

– А это – Марк.

Вольфганг осторожно приподнялся на локтях, переводя взгляд с одного из своих спасителей на другого, и недоуменно хмуря красиво очерченные брови.

– Paul... Mark... Sind sie Deutsche?

– Nein, – «полиглот» Пашка снова вздохнул, – Какой там дойче, мы руссиш! Понимаешь? Wir... это... Russen.

– Ich verstehe... – немец медленно кивнул и с видимым трудом сел, оглядываясь вокруг. Потер лоб и, явно не зная, как беседовать с русскими, попытался сказать что-то более или менее коротко и ясно.

– Der Krieg^{1*}?

Друзья снова переглянулись. Этого слова ни Тата, ни Пауль в школе не учили, и понять вот так навскидку, что же имеет в виду новый знакомый, им было мудрено.

– По-моему, дело гиблое, – Марк поморщился и, сам глотнув воды, убрал бутылку обратно в рюкзак, – Слушай, парень, ты это... do you speak English?

Вольфганг медленно покачал головой – вопрос он понял, но английского языка не знал. Тоже учил когда-то давно в школе, но после всего, что случилось в его жизни, школьные знания из памяти вымело начисто.

Что делать сейчас, он тоже понимал плохо. Кто эти люди, столь внезапно окружившие его? Почему они так странно одеты, почему так странно ведут себя? Русские! Но русские же враги, они не должны проявлять такое дружелюбие... А эти, судя по всему, и про войну-то никогда не слышали, странные ребята. Добрые, дружелюбные, но очень и очень странные.

И что ему теперь делать? Как договориться с ними, как понять, что происходит? И... и почему он один здесь? Где, черт возьми, Фридрих?

– Wo ist Friedrich? – он взволнованно оглядел своих неожиданных доброжелателей, пытаясь подняться на ноги, – Wo ist mein Freund?

– Он спрашивает, где его друг? – Пашка неуверенно покосился сначала на Тату, потом на Марка, – Спрашивает вроде про какого-то Фридриха, может, тут еще кто-то есть?

– Но тут никого нет, – девушка растерянно огляделась, – Вольфганг, ты был тут один, понимаешь? Один, как это... allein!

Вольфганг медленно кивнул; лицо его отразило отчаяние. Он оставил попытки встать и, подтянув колени ближе, облокотился на них, запуская пальцы в волосы. В глазах его отобразилась мука воспоминания – парень явно пытался восстановить в памяти случившееся и, судя по всему, давалось ему это тяжело.

– Knochen^{2*}... – наконец, пробормотал он, – Das Kind! Verdammtes Kind!

– Он ругает какого-то ребенка? – Марк чуть склонил голову набок, от чего несколько прядей черных волос немного съехали, образуя челку, – Ребята... Я чего-то не понимаю. Парень в

¹ * «Война?» (нем.) (примеч. автора)

² * «Кости» (нем.) (примеч. автора)

форме времен Второй мировой, лежит здесь без сознания, пугается русских, спрашивает, где его друг и ругает какого-то ребенка. Я логики не вижу!

– Да ее никто не видит, – Пашка поежился и, тяжело вздохнув, осторожно поднялся на ноги, – Но не бросим же мы его тут!

– Конечно, не бросим, – Тата, сочувственно наблюдающая за Вольфгангом, помрачнела, – Мы тут и сами, на минуточку, заблудились. Так что все нормально – когда-нибудь кто-нибудь вместо одного Вольфганга найдет нас всех.

– Да ты оптимистка, – съязвил ее брат, – Ладно. Я предлагаю для начала оглядеться здесь и, наверное, провести здесь ночь – снаружи, по-моему, уже темнеет. Тата, ты оставайся с немцем – одного его я бы не хотел оставлять: парень явно не в себе, а мы с Пашкой посмотрим, что здесь еще есть. Не бойся, далеко не уйдем – тут и идти-то некуда.

Девушка кивнула – оставаться наедине с красавцем-немцем она не боялась, даже наоборот, да и бродить по древней башенке ее как-то не тянуло. Тем более, что парень определенно еще не пришел в себя, и ему, безусловно, требовалась поддержка.

– Ты вниз, я наверх, – Пашка уверенно кивнул сам и, глянув на девушку, пригрозил ей пальцем, – А ты стереги немца. И не вздумай пытаться без нас – мы хотим поучаствовать!

– Иди уже, – огрызнулась Тата и, переведя сочувствующий взгляд на нового знакомого, участливо коснулась ладонью его плеча, – Вольфганг... ты, может, хочешь еще попить? Или есть...

Парень медленно поднял голову и, взглядевшись в ее лицо, нахмурился. Вопросы, обращенного к нему, он явно не понимал, что, в целом, было неудивительно, и что ответить, не знал.

– Zwei Sterne... – внезапно пробормотал он и, мотнув головой, поднял ее к потолку, указывая туда же и пальцем, – Dort!

Девушка, изо всех сил вспоминая школьную программу немецкого языка, недоуменно заморгала.

– Две звезды?.. – растерянно пробормотала она, – Причем здесь какие-то две звезды?..

Марк легко сбежал по лестнице и, не глядя на поднимающегося по той же лестнице вверх Пашку, осмотрелся. Внимание его, как и следовало ожидать, привлекла плотно прикрытая деревянная дверь слева от лестницы, до такой степени темная, что почти сливалась цветом со стеной. Впрочем, это парня особенно не взволновало – если кто и пытался спрятать эту дверку, мог бы постараться и получше, а коль скоро он ее все-таки обнаружил – имеет полное право проверить, что же она скрывает.

На толчок дверь не отреагировала, и молодой человек, поморщившись, бросил быстрый, мимолетный взгляд на лестницу, туда, где его сестра старательно заботилась о немце. Интересно, этот Вольфганг как-нибудь случайно не в курсе, что за этой дверцей и как ее открыть? Да и стоит ли это вообще делать...

Марк тихонько вздохнул, изучая створку взглядом и недовольно поежился. Ему было прохладно. А ведь в фильмах ужасах часто бывают вот такие идиотские ситуации, когда герой пытается открыть дверь, за которой притаился какой-нибудь монстр. Ценой огромных усилий он ее открывает – его съедают, а виноват во всем несчастный монстр, которого не предупредили, что конкретно этого человека кушать не надо.

Тьфу.

Парень нахмурился и, мотнув головой, уверенно потянул дверь на себя. Какие фильмы ужасов, какие монстры? Он ведь уже не ребенок, чтобы верить во всякую чушь!

Раздался протяжный скрип. Деревянная створка, кое-как двигаясь на заржавевших петлях, медленно открывалась, подчиняясь действиям молодого человека.

Тата с Вольфгангом на лестнице, услышав этот скрип, одновременно вытянули шеи, с большим любопытством созерцая действия Марка. О том, чем сейчас занимается Пашка, они в эти секунды как-то даже и не думали – никаких звуков сверху не доносилось, а значит, можно было предположить, что ничего интересного парень еще не нашел.

Марк же, по-видимому, обнаружил и в самом деле что-то любопытное.

Он замер на пороге и, помахав перед носом рукой, закашлялся от пыли, которую пытался разогнать, после чего уверенно шагнул вперед, скрываясь в неизвестном помещении.

– А тут посветлее будет, чем на лесенке, – донесся спустя несколько секунд его оживленный голос, – Да и поуютнее, пожалуй... Тат, иди сюда! И немца прихвати – он же, небось, голоден.

Девушка, абсолютно не поняв последнего высказывания брата, недоуменно покосилась на Вольфганга и, осторожно кашлянув, попыталась как-то объяснить ему, что требуется делать.

– Вольфганг... Марк зовет нас, пойдем... это... kommen!

– Gehen? – неуверенно уточнил немец и, переведя вновь взгляд на загадочную, теперь открытую, дверцу, которую с занимаемого ими места было прекрасно видно, нахмурился, – Dorthin?

Учитывая, что последний вопрос он сопровождал указующим жестом на дверь, девушка в той или иной степени сумела его понять, и оживленно закивала.

– Ja, ja! Туда! Пойдем же, не бойся... – она осторожно коснулась рукава военной формы и, преодолевая невольный трепет, аккуратно потянула.

Вольфганг кивнул и, упершись ладонями в ступени лестницы, медленно встал, выпрямляясь во весь рост. Тата, обнаружив, что немец не только красив, но еще и высок, быстро облизала губы и незаметно сглотнула. Даа, это герой ее романа... как бы еще ему это объяснить, учитывая, что русского языка парень не знает.

Она быстро, несколько скованно улыбнулась и, жестом пригласив нового знакомого следовать за собой, принялась аккуратно спускаться по лестнице.

Марк, утомившийся дожидаться эту сладкую парочку, недовольно выглянул из-за двери.

– Чего ты канителишься? Тут такое, я хотел, чтобы ты первая увидела, а ты ползешь едва-едва!

– Сам попробуй объяснить не знающему языка немцу, куда надо идти, – недовольно огрызнулась девушка и, всем видом демонстрируя, что она-то как раз двигается очень даже быстро, легко сбегала вниз. Немец, следующий за ней, такой прыти не проявил и продолжил спускаться очень осторожно, аккуратно нащупывая ступени.

Марк, внимательно наблюдающий за ним, неожиданно посерьезнел и, хмурясь, покачал головой.

– Он пошатывается... – сестра уже стояла рядом, и парень позволил себе немного понизить голос, – Тата, я... понимаю, что мои слова прозвучат как бред сейчас... Но, если он в военной форме, у него на мундире кое-где кровь... что, если он и сам ранен?

– Хочешь сказать, он реально солдат Второй мировой и пострадал в бою? – Тата фыркнула и, саркастически улыбнувшись, покачала головой, – Да я скорее поверю, что он и в самом деле играл тут в какую-нибудь военную реконструкцию, а потом наверху с лестницы и ему отшибло память! И даже могу допустить, что теперь он всерьез себя считает солдатом тех времен, да. Или что, ты думаешь, он залетел сюда из прошлого?

Брат внимательно выслушал ее, глядя как-то очень сосредоточено и пристально, затем негромко вздохнул.

– После того, что ты увидишь в этой комнатке, поверь, тебе уже не будет это казаться таким уж абсурдом. Помоги парню спуститься – видишь же, что ему тяжело.

Девушка медленно перевела на него очень красноречивый взгляд, однако, возражать не стала. Только вздохнула:

– Зачем мне брат, если всю тяжелую работу должна делать я... – и отправилась помогать пошатывающемуся немцу спуститься. В душе ее роились подозрения, сводящиеся в основном к тому, что Марк уже заочно свел ее с Вольфгангом и, коль скоро немец ей симпатичен, обязал сестру всецело заботиться о нем.

Вольфганг, впрочем, помощь девушки не принял. Он был взрослым парнем, самостоятельным и расписываться в собственной слабости, напрягать женщину, полагал ниже своего достоинства. Раны, конечно, доставляли ему определенный дискомфорт, и голова при спуске по лестнице немного кружилась, но Вольф, тем не менее, предпочитал справляться со своими проблемами самостоятельно.

С лестницы он, наконец, спустился и, незаметно переведя дыхание, вопросительно взглянул на новую знакомую со странным, непривычным слуху немца, именем. Тата! Как это вообще произносится? У русских это звучит легко и просто, но повторить ему будет определенно затруднительно.

– Wohin? – осведомился он, переводя взгляд со своей добровольной помощницы на одного из ее спутников. В принципе, ответ на свой вопрос он знал, ответ был очевиден – куда же еще его могли позвать, кроме как в помещение, скрывающееся за загадочной дверцей! Эх, жаль, они с Фридрихом тогда не успели заглянуть за нее, не до того было...

– Hierher, – не задумываясь, отозвался Марк, указывая себе за спину и, внезапно сообразив, что только что сказал, ошеломленно замер, взирая на сестру. Та ответила ему взглядом не менее недоумевающим и, повернув голову, подозрительно прищурилась.

– Не поняла, а с каких это пор ты знаешь немецкий?

Парень моргнул и, опустив взгляд на свои руки, зачем-то осмотрел их. Затем помотал головой.

– Понятия не имею... – растерянно ответил он и, напряженно сглотнув, оглянулся через плечо, – Я и не учил никогда немецкий, не знаю, откуда, как... Но он спросил «куда?», а я ответил, что сюда...

Тата медленно повела головой из стороны в сторону и, глубоко вздохнув, обреченно опустила плечи.

– Мне это не нравится, – доверительно сообщила она, – Давай, показывай свое великое открытие, может, это хоть что-то объяснит. Может, ты учебник немецкого нашел?

– Ни фиги подобного, – Марк нахмурился и, отступив, сделал приглашающий жест в сторону двери, – Любуйтесь. Я пойду, Пашку поищу – если тут творится что-то непонятное, лучше нам быть вместе.

Девушка, не успев ответить, повернулась, провожая легко избегающего по лестнице брата взглядом и, вздохнув, покачала головой.

– «Вместе», – негромко передразнила она и, глянув на своего несколько растерянного спутника, поманила его за собой, наконец пересекая порог загадочной комнатки.

Удивление Марка, его желание рассказать об увиденном, сразу же стали понятны. Тата замерла, изумленно рассматривая тонущую в постепенно сгущающемся сумраке старинную... библиотеку, книжные полки вдоль стен и, что самое удивительное – широкий стол посреди нее, сплошь уставленный яствами.

Вольфганг, последовавший за ней и остановившийся за спиной, не удержавшись, длинно присвистнул и покачал головой. Как-то неожиданно пришло осознание собственного голода; мелькнула мысль, что не ел уже, наверное, пару суток... а по ощущениям – так и вовсе пару лет. Десятков. Лет.

Девушка, мельком оглянувшись на спутника, осторожно приблизилась к столу и, робко потыкав в столешницу пальцем, быстро облизнула губы. Еда казалась вкусной, пахла изумительно, выглядела совсем недавно приготовленной... но откуда она могла взяться здесь,

среди руин древнего замка? Или поместья, или дворца, или чего там еще останками была эта башенка.

Вольфганг, аккуратно обогнув ее, сам приблизился к столу и, окинув взглядом предложенные лакомства, сглотнул.

– Das Essen... – неуверенно произнес он, переводя взгляд на девушку и, пожав плечами, прибавил, – Das sieht gut aus. Und der lieblicher Geruch^{3*}.

Тата обреченно вздохнула и, силясь произвести на собеседника более или менее приятное впечатление, виновато улыбнулась, разводя руки в стороны и отрицательно качая головой.

– Я не понимаю... – негромко, почти робко молвила она, – Прости, Вольфганг, но я, правда... Как это... Ich verstehe nicht.

Немец, по-видимому поняв, что объяснить свои впечатления девушке ему не удастся, вздохнул сам.

– Entschuldigung, – тихо молвил он, виновато опуская голову и честно попытался сосредоточиться на более насущных вещах. Осторожно коснулся указательным пальцем бока жареной курицы, привольно раскинувшейся на большом блюде и, проведя по нему, палец облизал. Затем широко улыбнулся и, пытаясь общаться не словами, но жестами, одобрительно кивнул, оттопыривая большой палец вверх.

Тата сама заулыбалась и закивала, давая понять, что на сей раз о смысле слов собеседника догадалась.

Со стороны лестницы, оставшейся за дверью, послышался знакомый топот, и девушка вздохнула с облегчением: возвращались ее спутники, ее брат и их общий друг, а в их компании общаться с иностранцем ей все-таки было как-то спокойнее. Кроме того, была робкая надежда, что Марку теперь удастся расшифровать, перевести загадочные изречения немца.

Парни влетели в комнату почти одновременно. Пашка, ошарашенный увиденным, застыл, переводя взгляд со стола на девушку и немца, потом на брата первой, и снова на яства и, приоткрыв рот, несколько раз открыл и закрыл глаза.

– Ни фига себе... – наконец, выдавил парень и, громко сглотнув, шагнул ближе к столу, – Вы пробу сняли? Не отравлено?

Девушка неловко пожала плечами.

– Вольфгангу понравилось.

– Он что, ел это?! – Марк, по-видимому, не ждавший от нового знакомого такого безрассудства, ахнул и, повернувшись к последнему, нахмурился, – Совсем с ума сошел?! Вдруг это в самом деле отравлено??

Вольфганг, не понявший ни слова из обращенных к нему, но по мимике и жестам догадавшийся, что собеседник возмущен, и даже сообразивший, чем именно он возмущен, активно замотал головой и замахал перед собой руками. Говорить что-либо он даже не пытался, уже зная, что его не поймут.

Девушка решительно выступила вперед, вставая на защиту своего подопечного.

– Он просто попробовал! Всем видом показал, что вкусно, а сначала сказал что-то... Я не поняла, но вроде сначала констатировал, что это еда, а потом... наверное, характеризовал ее. Вообще, выглядит-то тут все и в самом деле вкусно, да и пахнет приятно.

– Хочешь рискнуть и поесть? – Пашка неодобрительно хмыкнул и, шагнув к столу, окинул его взглядом, полным претензии, – Ты смотри, и столовые приборы тут, и тарелки, и подсвечники... Кстати, можем зажечь свет, если у кого-нибудь есть спички или зажигалка. И, по моему, этот подсвечник я уже где-то встречал...

– Ночью в темном переулке, – буркнула Тата и демонстративно похлопала себя по карманам, – Спичек у меня нет, зажигалки тоже. Марк, ну вот почему ты решил бросить курить?

^{3*} «Выглядит хорошо. И вкусно пахнет» (нем.) (примеч. автора)

Марк, малость опешив от такого заявления, даже рот приоткрыл от негодования.

– Кажется, именно ты настаивала, чтобы я это сделал? Кстати, зажигалка у меня есть. Она еще не закончилась, я ее и таскаю с собой – вдруг пригодится. Ну, там, прикурить кто попросит...

Пашка без разговоров вытянул вперед руку.

– Давай.

Его друг чуть повел плечом и, скорчив непередаваемую рожу, сунул руку в карман куртки, добывая из него искомый предмет и протягивая собеседнику.

Спустя несколько мгновений загадочное помещение осветилось неровным, дрожащим светом зажженных свечей.

Ребята довольно переглянулись – со светом им здесь стало и в самом деле уютнее; Вольфганг попятился.

– Was ist das?..^{4*}

На сей раз перевод не потребовался – вопрос поняли все трое, и недоуменно переглянулись между собой.

– Это он про что? – не понял Пашка, глядя на предмет в своей руке, – Про зажигалку или про свечи?

– Может, вообще про огонь... – девушка обреченно вздохнула. Красавец-немец начинал казаться ей немного помешанным.

– Если когда-нибудь начнем его понимать – потребуем объяснений, – принял довольно категоричное решение Марк и, присмотревшись к тому самому подсвечнику, что теперь освещал стол, создавая поистине романтический антураж, прищурился, – А это не точно такой же валяется на лестнице?

– Может, из одного набора, – недовольно буркнул Пашка и, еще раз окинув долгим, исполненным претензии взглядом обильный стол, поморщился, – Ну, и что мы со всем этим делать будем? Есть хочется, продукты жалко – пропадут ведь, а кто-то готовил, старался...

– Или это просто коллективная галлюцинация, которую можно съесть без вреда для здоровья! – воодушевленно подхватила Тата и, покосившись на непонимающего ни слова из их беседы Вольфганга, неожиданно подумала, что чокнутый здесь не только он. Они, наверное, все малость с приветом.

– Как-то я не привык питаться галлюцинациями... – задумчиво отозвался ее брат и, переведя взгляд на немца, кивнул сестре в его сторону, – Значит, говоришь, он посчитал это вкусным?

– Может, пусть первым и пробует? – оживился Пашка, – Если умрет – значит, есть не будем и вообще постараемся уйти отсюда как можно скорее. Ну, а если все-таки выживет...

Вольфганг, недоумевая о чем идет речь, но догадываясь, что о нем, перевел взгляд с одного из парней на другого, потом нахмурился и взглянул на девушку. Она ему, видимо, все-таки казалась более адекватной, чем эти двое, и от нее он ждал если не ответа, то поддержки.

Он ее получил.

Тата, возмущенная до глубины души, гневно фыркнула и, резко шагнув к столу, оторвала несколько виноградин от лежащей там грозди, после чего решительно отправила их в рот. Выждала несколько секунд и, пожав плечами, потянулась к кувшину с каким-то напитком, но тут уж перепуганный Марк остановил неугомонную авантюристку и, оттащив ее от стола, грозно сдвинул брови.

– Если умрешь – перед родителями сама оправдываться будешь, поняла? Что за безрасудство, в самом-то деле – вечно все в рот тянет!

^{4*} «Что это?» (нем.) (примеч. автора)

– Просто я не думаю, чтобы нас здесь кто-то хотел отравить, – девушка, не пытаясь вырваться, легко пожала плечами, – Смысла нет. Подумай сам: полуразвалившаяся башенка среди леса, пострадавший по непонятной причине немец – не от яда пострадавший, заметь! – и вдруг ядовитое угощение? Бред!

Пашка, осторожно подкрадывающийся к столу и гипнотизирующий жадным взглядом ту самую жареную курицу, с которой уже снял пробу Вольфганг, удивленно обернулся.

– А остальное не бред, что ли? Да тут все вокруг маразмом пахнет, хотя бы уже то, что стол накрыт в библиотеке! Слушайте, – парень внезапно посерьезнел, – Я предлагаю плюнуть на все и по-человечески поесть. В чем-то Тата права – если бы нас кто-то таинственный, мистический и загадочный хотел убить, он бы выбрал более простой способ. Заманивать нас сюда и накрывать на стол – идиотизм, и уж тем более идиотизм травить еду, в надежде, что случайные путники сюда все-таки зайдут! Мы же сами не знали, что здесь заблудимся.

– Да-да-да, – ядовито припомнила девушка, – «Навигатор» подвел.

– Неважно!.. – начал, было, возмущаться, молодой человек, вновь поворачиваясь к столу, как вдруг осекся.

Вольфганг, ослабленный ранами, утомленный чужой речью, стоял у стола и, не вслушиваясь в непонятные слова, спокойно ел большой ложкой какой-то салат. Выглядел он при этом совершенно довольным и умиротворенным, умирать в ближайшее время явно не собирался.

Ребята, растерянные поведением своего невольного подопечного, осторожно переглянулись, затем неспешно приблизились. Стульев вокруг стола не было, столовых приборов и тарелок тоже не наблюдалось, поэтому есть приходилось весьма варварскими методами, используя разве что те приборы, что были воткнуты в многочисленные салаты, но эта проблема казалась троице наименьшей из всех.

– Ему явно нравится... – наконец, негромко заметил Марк, – И, похоже, это все-таки не отравлено.

– Налетай! – резюмировал Пашка, и первым бросился к столу.

...По прошествии не меньше, чем полчаса, путники вместе со своим новым знакомым, наевшись и напившись умопомрачительно вкусной еды, расселись на полу и, кое-как утираясь (салфетки на столе лежали), принялись держать военный совет. Точнее, держали его только Тата и Марк, поскольку немец ничего из их речей не понимал, а Пашка, заявив, что его терзает интеллектуальный голод, отправился изучать книги.

– Переночуем здесь? – девушка неуверенно оглянулась по сторонам, – На полу спать удобнее, чем на лестнице... Хотя условия, конечно, спартанские.

– Ты это Вольфгангу скажи, – вздохнул в ответ ее брат, – Он-то на лестнице валялся... Думаю, да, переночевать стоит здесь. За окном уже явно стемнело, здесь свет есть только благодаря подсвечникам... между прочим, свечи в них горят как-то слишком медленно, тебе так не кажется?

– Наверное, это неправильные свечи, – отозвался от книжных шкафов прислушивающийся к разговору друзей Пашка, – И они делают неправильный огонь. Может, они вообще электрические? Оп-па!..

– Они потрескивают, – недовольно огрызнулся его друг и, вытянув шею, поинтересовался, – Чего там?

Пашка приблизился, широко улыбаясь и помахивая какой-то худосочной книжечкой в старом, измученном временем переплете.

– Я, конечно, не совсем полиглот, – заметил он, устремляя взгляд на обложку и книгу не отдавая, – Но немецкий учебник русского отличить все же способен! Держи, Вольф, – он уверенно сунул учебник в руки мгновенно растерявшемуся немцу, – Может, хоть пару слов выучишь, все легче будет. Ну, открой, посмотри, – он сделал приглашающий жест рукой.

Вольфганг, которого в первую очередь удивило неожиданное сокращение его имени из уст русского, и только во вторую – учебник, медленно опустил на него взгляд и, действуя весьма неловко, осторожно открыл первую страницу. Пробежал глазами несколько строк, перелистнул еще одну страницу и, неожиданно подчеркнув ногтем какое-то слово, неуверенно, с ужасным акцентом произнес:

– Да.

Тата еле удержалась, чтобы не зааплодировать. Мысль о том, что их неожиданный знакомый, их загадочный подопечный и в самом деле сможет изъясняться хоть немного понятнее, так восхитила ее, что захотелось броситься Вольфгангу на шею, а потом расцеловать... Пашку. Все-таки это же он нашел такой полезный учебник!

Марк, прекрасно понимая состояние сестры, мягко усмехнулся и, показав немцу оттопыренный большой палец, махнул рукой.

– Ладно, ребят, отбой. Время не раннее, все устали, все наелись... – он зевнул и, оглядевшись, поморщился, – Блин, даже подушек нет, ну и деревня...

– Я помню, на лестнице валялись выщипанные перья, – Пашка почесал нос, – Может, собрать их в подушку?

– На лестнице сейчас уже темно, – возразил ему приятель, – Так обойдемся... Что ж поделать, всякое в жизни бывает.

Его сестра скорчила чрезвычайно недовольную рожу и демонстративно поерзала на полу.

– Тебе-то «что поделать», а я, на минуточку, девушка. Мы создания нежные, к такому не привыкшие! Эх, – она вздохнула и, стянув теплую кофту, с которой не расставалась даже не взирая на то, что в «библиотеке», как они все-таки окрестили это помещение, было довольно тепло, свернула ее на манер подушки, трепетно прижимая к груди, – Может, часового выставить?..

Пашка хмыкнул и, легонько стукнув ее по плечу, осторожно указал на немца. Тот, вне всякого сомнения, сам воодушевившийся идеей хоть немного подучить русский язык, углубился в книгу, и спать определенно не собирался. Он даже отодвинулся от собеседников, не то, чтобы не мешать им, не то, чтобы они ему не мешали и, прислонившись спиной к стене, упоенно читал.

Тата вздохнула еще раз и, понимая, что на Вольфганга ее спутники (по крайней мере, один из них) уже итак свалили обязанность охранять их сон, махнула рукой. День, в конце концов, и в самом деле был очень насыщенным и утомительным, а после сытного ужина нестерпимо хотелось спать. Она гордо потрянула головой и, уложив свернутую кофту на пол, первая растянулась на нем, подавая пример своим спутникам. Она была уверена, что не заснет.

И, может быть, именно поэтому заснула как-то совсем незаметно для себя, просто провалилась в сон, нежно обнимая импровизированную подушку.

Ее спутники, видя такой покой, незамедлительно устроились по сторонам от девушки, готовые в случае чего защитить ее, и вскоре тоже заснули.

Они уже не видели, как Вольфганг, еще какое-то время почитавший, со вздохом огляделся и, внезапно что-то увидев, поднялся на ноги. А потом спокойно отодвинул старинный стул и, сев на него, расположил учебник на незамеченном ими прежде письменном столе, вновь углубляясь в чтение.

Тата проснулась первой, от того, что у нее затекла на твердом полу спина. Глубоко вздохнула, без особого желания возвращаясь в реальность и, оглядев своих безмятежно спящих друзей, неспешно поднялась, пытаясь привести в порядок спутанные после сна волосы.

Вольфганга в пределах досягаемости она поначалу не заметила и, недоумевая, куда мог деться немец, нахмурилась, продолжая осмотр помещения.

Впрочем, когда она, наконец, обнаружила его, изумилась не меньше.

Парень спал, сидя за столом, которого они вчера не заметили, сидя на стуле, который они тоже ухитрились не увидеть, спал, положив щеку на учебник русского языка, свесив одну руку и вытянув вторую на столешницу. Выглядел он в этот момент до такой степени очаровательно, что по губам девушки сама собою расплылась улыбка.

Она бесшумно приблизилась и, не желая будить молодого человека, осторожно убрала несколько прядей волос с его лица.

Вольфганг вздрогнул и проснулся.

– Guten morgen, – неловко пробормотала Тата, искренне смущенная тем, что потревожила сон их загадочного знакомого, – Ты так и читал всю ночь?

В том, что последнюю фразу Вольфганг не поймет, девушка не сомневалась, произнесла ее чисто автоматически, однако, надеялась, что парень уловит хотя бы нотки сочувствия в ее голосе.

Немец неожиданно заулыбался.

– Guten morgen, – кивнул он, неспешно поднимая голову, и внезапно прибавил, – Нет. Я спал. На учебнике... – он помялся, видимо, подбирая слова, потом уверенно продолжил, – Неудобно. Но...

Девушка, ошарашенная сверх всякой меры, уставилась на него, как кот на пылесос и, с трудом проглотив стоящий в горле комок, попыталась что-нибудь произнести.

– Ты... ты...

– Неправильно? – огорчился парень и, почесав в затылке, попытался переформулировать свое изречение, – На учебник... неудобно спать. Но я спал.

– Да нет, правильно, – голос Марка, разбуженного беседой, заставил его сестру, дернувшись, немного повернуться. Парень, серьезный, как никогда, внимательно смотрел на ее собеседника, уже неспешно поднимаясь с пола, и Тата почувствовала некоторое облегчение – решать странные проблемы она давно привыкла доверять брату.

– Вольфганг... – парень приблизился и, пылливо изучая взглядом лицо немца, нахмурился, – Ты прежде знал русский?

– Nein, – Вольф уверенно мотнул головой и, внезапно сам начиная что-то соображать, перевел ошалелый взгляд на учебник, – Я читал... но мало, заснул... Я говорю русский?!

Последний вопрос его прозвучал неожиданно громко, и Пашка на полу – единственный, кто еще продолжал спать, – недовольно завозился.

– Еще как говоришь... – девушка, наконец все-таки сумевшая выдать из себя несколько слов, помотала головой, – Вот как полезно на учебнике-то спать!

– Не смешно, – огрызнулся ее брат и, тяжело вздохнув, окинул долгим взглядом помещение, – Что ж за чертовщина-то здесь творится... То я по-немецки говорю, то Вольф по-русски...

– Почему ты так называешь меня? – немец, которого этот вопрос, видимо, живо заинтересовал, чуть склонил голову набок, вглядываясь в нового знакомого. Тот пожал плечами.

– Сокращенный вариант имени. Разве нельзя?

Вольфганг глубоко вздохнул и, вновь опустив взгляд на учебник, печально улыбнулся.

– Можно. Так меня звал Фридрих.

Марк, на несколько секунд замолчав, задумчиво потер подбородок. В серых глазах его, при новом взгляде на немца, засветились искорки живого интереса, и девушка, прекрасно знающая своего брата, мысленно вздохнула, сознавая, что теперь он не отцепится от нового знакомого, пока не выяснит всю его подноготную. С другой стороны, приоткрыть для себя завесу тайны над личностью Вольфганга ей и самой хотелось нестерпимо... но для начала, наверное, стоило бы разбудить Пашку, чтобы потом не пересказывать ему.

Брата ее, по-видимому, посетила та же мысль, потому как он, быстро улыбнувшись, сделал знак немцу немного подождать и отправился будить друга.

Пашка спал, раскинув руки в стороны и тяжело дыша во сне. Глазные яблоки его под сомкнутыми веками дергались, руки подрагивали – парню определенно снился не самый приятный сон и, пожалуй, разбудить его стоило бы в любом случае.

– Паш... – Марк присел рядом с другом на корточки и легонько потряс его за плечо, – Эй, але, гараж, просыпайся! Уже солнышко взошло. Паш! – он потрянул его сильнее.

Пашка застонал и, резко распахнув глаза, совершенно потрясенным, ничего не понимающим взглядом уставился на друга. Потом медленно моргнул, потряс головой и, глубоко вздохнув, провел ладонью по лицу.

– Ну и чертовщина... – с некоторым трудом выдохнул он, кое-как садясь, – Прикинь, мне, по ходу, Вторая мировая приснилась!

Вольф, от которого эта беседа, в тайне, разумеется не была, быстро глянул на девушку и неожиданно резко поднялся на ноги. В голосе его зазвучали какие-то жесткие нотки, щедро приправленные беспокойством.

– Война?

Пашка медленно повернулся к нему и, пару раз моргнув, неспешно склонил голову.

– Да... Ты это по-русски сказал? – он перевел взгляд на друга и громким шепотом уточнил, – Он что, по-русски говорит?

– Говорю, – Вольфганг, похоже, не слишком довольный обсуждением своей персоны, вновь опустился на стул, – Не знаю, как. Но говорить. Что ты снился?

Тата, которой неожиданно показалось, что некоторая трудность в составлении предложений со стороны немца вызвана тем, что он взволнован, шагнула вперед, мягко касаясь ладонью его плеча. Вольф благодарно улыбнулся, не отрывая, впрочем, внимательного взгляда от Пашки.

Тот, в свой черед, явственно растерялся.

– Да не знаю я, что мне снилось... Жутко было – это помню. Снаряды свистели, люди кричали, что-то взрывалось... – он почесал лоб, старательно припоминая сон и принялся поправлять сбившийся за время сна хвостик, – И эта башня! Она торчала, как зуб, вокруг нее все рушилось, а она даже не пошатнулась! Да, еще над ней как будто блики с двух сторон были.

Вольфганг нахмурился – слова нового знакомого он, к собственному удивлению, понял очень хорошо, и теперь спешно синхронизировал их со своими знаниями и впечатлениями.

– Zwei Sterne... – пробормотал он и, внезапно стукнув кулаком по столу, немного возвысил голос, – Я говорил – там было две звезды!

Тата, уже второй раз слышащая от этого парня про какие-то звезды, замотала головой, как упрямый ослик. От того, что начал говорить по-русски, немец ей менее помешанным не казался.

– Да какие звезды? Где? При чем они тут вообще?

– В самом деле, – Пашка, просыпающийся с каждым мигом все больше, уселся на полу по-турецки, с любопытством вглядываясь в немца, – О каких звездах ты говоришь, Вольф? Да и вообще, может, поведает, как оказался здесь и что с тобой случилось... И кто, кстати, тот друг, про которого ты говорил?

Молодой человек нахмурился, явно прикидывая, с чего начать рассказ и как сделать его в своих устах более или менее емким. И, желательно, понятным.

– Наш полк был... – он на миг замялся, затем осторожно продолжил, – Убит. Мы остались двое, бежали. Я думал, мы скажем о контузии...

– Стоп! – Марк, честно послушавший несколько секунд нового знакомого, не выдержал, – Давай-ка мы начнем еще раньше. Вольфганг... какой, по-твоему, сейчас год?

Воцарилось молчание. Немец смотрел на вопрошающего с явным недоумением, не понимая, как это год может быть «по его». Год – он же год и есть, он для всех одинаков!

Тата с Пашкой переводили взгляды с одного из собеседников на другого, не совсем понимая не столько вопрос, сколько причины, побудившие Марка его задать. Не понимая серьезности на лице того, не понимая сосредоточенности в его глазах... Он что, всерьез полагает, что немец выпал из времени и свалился точно на ступени лестницы, в никому не известной башенке, куда занесло только их? Но это же абсурд! Понятно, конечно, что тут творится что-то странное, да и то, каким образом Вольф сумел за одну ночь вполне сносно выучить русский язык представляет загадку, но не надо же доходить до сумасшествия! Наверняка все объяснимо, сейчас Марк сам...

– Тысяча девятьсот сорок третий, – медленно, с видимым трудом подбирая слова, выговорил Вольфганг и, моргнув, нахмурился, – Разве ты не знаешь? Скоро Рождество... – по губам его мелькнула слабая тень улыбки.

Ребята медленно переглянулись; Марк оставался все так же каменно-серьезен.

– А если я скажу тебе... – неспешно начал он, – Что сейчас май две тысячи двадцатого года? Что война закончилась семьдесят пять лет назад победой русских? Ты помнишь об этом?

– Помнить?.. – Вольфганг, глядящий на собеседника, как на сумасшедшего, слабо усмехнулся и покачал головой, – Как помнить, это невозможно! Сейчас сорок третий год, бои идут по всей Германии, русские теснят нас... – он неожиданно померк и опустил голову, – Хочу, чтобы это кончилось...

– Но все это давно кончилось, – Тата, вступая в беседу, сдвинула брови, недоверчиво глядя в немца, – Вольф... Марк говорит правду – сейчас две тысячи двадцатый год, конец мая, а в начале его отмечали семьдесят пять лет со дня победы! – она вздохнула и сочувственно покачала головой, – Ты, должно быть, упал, сильно ударился, у тебя в голове перемешалось...

Пашка, ошарашенный не меньше, только рукой махнул.

– Это ж как надо было приложиться... – буркнул он и, окинув долгим взглядом мундир немецкого офицера, продолжил допрос, – Почему у тебя кровь на форме?

Вольф, словно почувствовав в этом парне более адекватного собеседника, перевел взгляд на него, слегка пожимая плечами.

– Я ранен. Немного. Фридрих больше...

Воцарилось молчание. Ребята переглядывались, совершенно не представляя, как реагировать на слова нового знакомого, не находя в себе сил поверить в его безумные речи и, вместе с тем, как-то подспудно ощущая, что парень не лжет. Что он и в самом деле верит в свои слова, что он свято убежден в их истинности... Но ведь это невозможно!

– Так, – Марк, как самый здравомыслящий, решительно хлопнул в ладоши, – Со странностями разберемся потом. Рассказывай, Вольф, свою версию событий, потом попробуем осмотреть твои раны, объясним, как все обстоит... если сами что-нибудь пойдем.

Немец, явно не до конца понявший сложных конструкций собеседника, неуверенно кивнул и, кашлянув, попытался продолжить объяснения.

– Наш полк был уничтожен, – на сей раз слово подобрать ему удалось быстрее и легче, – Я и Фридрих остались живыми, бежали. Он был очень ранен, я хотел помочь... Фридрих – мой друг, мы друзья еще до войны. Когда она началась, мы сначала были в разных... – он пошевелил пальцами, ища нужное слово и неуверенно продолжил, – Полках. Потом нас перевели в один. Он был ранен, я хотел спасти его, увел с... поля боя. Мы шли сквозь лес, я все время слышал войну, – парень тяжело вздохнул, – Потом вдруг звуки исчезли. Мы увидели башню среди камней, над ней было две звезды. Со сторонам... – он сообразил, что сказал неправильно и смущенно улыбнулся, – Мы были внутри, Фридрих услышал голос. Он говорил – это ребенок, пошел вниз. Я с ним. Там... – здесь его передернуло, – Там были кости, много костей!

И тот ребенок. Фридрих пошел к нему, поднял... Мне не понравилось. Я спросил, кто он... – Вольфганг нахмурился, припоминая ответ, – Он сказал... Сказал, он «темпор», но я не знаю... У меня в голове закружилось, я упал. Наверное. Когда проснулся – вы.

Рассказ закончился; рассказчик перевел дух и, окинув слушателей виноватым взглядом, пожал плечами. Говорить по-русски, да еще и говорить так долго, объяснять то, чего не понимал и сам, ему было еще трудно.

Ребята молчали, изредка переглядываясь, размышляя над странным рассказом, пытаясь вычленив для себя из него хоть какое-то рациональное зерно.

Тата почесала в затылке и, хмурясь, подняла взгляд на ожидающего вердикта парня.

– Темпор... – медленно повторила она, – Кажется, в итальянском tempo – это «время»...

– Типа «временщик»? – Пашка хмыкнул и, куснув себя за губу, развел руки в стороны, – Хотя это сразу все объясняет, конечно. Какой-то ребенок, который решил поиграться со временем. Поэтому Вольф оказался на семьдесят пять... э... семьдесят семь? Лет вперед, ну, а друг его, должно быть, так и остался в прошлом. Кстати, ты этого ребенка ругал?

Немец согласно кивнул.

– Да. Чертов ребенок, я уверен, что это его вина! Только все равно не до конца...

– Ну, мы, допустим, тоже до конца не понимаем, – вежливо вставил Марк и, тихонько вздохнув, махнул рукой, – Ладно. Предлагаю следующую линию поведения – мы принимаем безоговорочно на веру твои слова, признаем, что ты солдат Второй мировой и так далее. А ты, в свою очередь, веришь нам – ты попал в будущее, парень, в тот год, когда войны уже давно нет, когда установился, может быть, немного шаткий, но все-таки крепкий мир. Мы – русские, в Германию приехали просто, чтобы отдохнуть, спокойно ходим по улицам ваших городов, и нас никто не пытается убить. Мы тебе не враги, Вольф, да и никогда не стали бы нападать на уже итак пострадавшего парня... Кстати, надо осмотреть твои раны.

Вольфганг, выслушавший его очень серьезно и, по-видимому, вполне поддержавший принятое наиболее разумным человеком решение, слегка махнул рукой.

– Это царапины. Но что теперь делать?

Пашка, который, судя по всему, поверил в версию с выпавшим из своего времени солдатом Второй мировой легко и даже с удовольствием, безмятежно пожал плечами.

– Спуститься вниз, и попытаться обнаружить твоего ребенка. Хотя это чревато – вдруг он отправит тебя назад?

– Пауль... – Вольфганг нахмурился и покачал головой, – Я не хочу видеть это снова.

– Да ну, тоже мне – бравый вояка! – Пашка откровенно фыркнул, – А то ты костей до того времени не видел! А как же война?

Немец сочувственно улыбнулся. В глазах его мелькнуло что-то, очень ясно говорящее, что эти слова нового знакомого убедили его, заставили поверить, что от войны эти ребята и в самом деле очень и очень далеки.

– На войне тела, – мягко произнес он и уточнил, – Не кости. А там... столько я прежде не видел. И тот ребенок!

– Никак не пойму, чем тебя так напугал ребенок, – Тата развела руки в стороны, – Он же маленький! Не факт еще, что все произошло именно из-за него. Да и потом – плохого-то ничего не случилось! Ты спасен, ты попал в будущее, в век, когда война осталась далеко позади – да ты получил шанс начать жизнь с чистого листа, Вольф! Радоваться надо!

Вольфганг тихонько вздохнул и немного ссутулился. Логика в словах девушки определенно присутствовала, с ней трудно было не согласиться, да у него и самого уже мелькали такие мысли – он ведь мечтал спастись от войны, вот и спасся. Но...

– А Фридрих?.. – он глянул на собеседницу исподлобья, – Я спасен... а он? Почему?..

– Об этом надо спросить этого ребенка, темпора, – отозвался на сей раз Пашка и, решительно поднявшись на ноги, поморщился, – Хотя на кости я смотреть пока не слишком хочу,

это да. Поэтому есть встречное предложение – можем подняться наверх. Я там вчера, кажется, почти нашел что-то интересное, но меня сдернул Марк, и я это потерял. Может, пойдём, глянем?

Девушка, в принципе, не имеющая ничего против того, чтобы в компании друзей изучить верхнюю часть башни, нахмурилась и решительно топнула ногой.

– Нет! У нас тут раненный и, Вольфганг, чтобы ты ни говорил – а раны осмотреть следует! Снимай мундир.

Пашка скабрёзно захихикал.

– Бесстыдница! И это при живом-то брате!

– Брат мне тоже пригодится, – Тата, не поддавшись на провокацию, серьёзно глянула на Марка, – Ты ведь, кажется, когда-то хотел быть врачом?

Парень, уличенный в так и не сбывшемся и, говоря откровенно, давно забытом желании, часто-часто заморгал и честно попытался придумать, как бы получше возразить, но его, судя по всему, никто не слушал.

Вольфганг, совершенно не считающий зазорным снять мундир перед красивой девушкой, тем более, когда девушка эта предлагает помощь, уже расстегивал пуговицы, а Пашка, хихикающий над ним, судя по всему, всерьёз вознамерился оказывать пострадавшему помощь и, отойдя к столу с остатками вчерашнего пиршества на нем, искал там что-то, чем можно было бы продезинфицировать раны.

Марк сдался и, шагнув к пострадавшему, принялся ждать, пока он избавится от мундира, от нечего делать его изучая.

– Ты из СС? – поинтересовался он после нескольких секунд молчания. Вольф поднял на него удивленный взгляд и осторожно кивнул – в вопросе ему почудился какой-то смутный подвох.

– Это плохо?..

– Да нет, просто интересно, – парень пожал плечами, – А звездочки на плечах что значат?

Вольфганг, как раз стянувший мундир, с видимым недоумением уставился на погоны.

– Их называли не так... – растерянно пробормотал он, – Я... не знаю, как по-русски. Я – гауптштурмфюрер. Капитан, по-вашему. Добавочные линии на нашивке и петлице, и погон с двумя... – парень смущенно улыбнулся, – Не знаю, как. Фридрих по званию младше, он... по-вашему... ммм... сержант, кажется.

– Как по мне, так звездочки – они и в Африке звездочки, – безапелляционно влез в разговор Пашка и, ухмыльнувшись, добавил, – Символично, кстати. Вот тебе и пресловутые две звезды над башенкой, может, тут была офицерская ставка СС?

Вольф, судя по всему, не уловивший русского юмора, нахмурился.

– Здесь было пусто, когда мы подошли.

Тата тихонько вздохнула и, решительно махнув в сторону своего излишне болтливового друга рукой, предпочла все-таки заняться делом.

Дело же, судя по всему, предстояло действительно важное – рубашка Вольфганга была пропитана кровью значительно больше, чем его же мундир, и это уже внушало вполне обоснованные опасения. Впрочем, с другой стороны, если уж парень по сию пору не умер и даже не упал в обморок, можно было смело эти опасения отринуть и понадеяться на лучший исход.

– Рубашку тоже нужно снять, – заметила она, – Сквозь ткань до ран затруднительно добраться.

Вольфганг растерянно заморгал и неловко стиснул ворот рубашки, не решаясь ее расстегнуть.

– Но... Но, я... – он смущенно кашлянул, – У меня под рубашкой ничего нет...

Ребята недоуменно переглянулись; парни обменялись понимающими ухмылками – смущение человека, по возрасту, видимо, соответствующего им, их забавляло. Тем более, что и смущаться-то, по большому счету, было нечего.

– Ну, и что? – не поняла девушка, – Мы же должны осмотреть раны, я не знаю... в больнице тебя же не в одежде бы смотрели! Ну, или что там было во время войны – госпиталь?

Вольф неуверенно кивнул и, по-прежнему не снимая рубашки, уверенно покачал головой.

– Я... я не могу перед девушкой... Вот так...

– Боже, какой застенчивый! – Тата, на самом деле приведенная стеснительностью парня почти в восторг, красноречиво закатила глаза, – Ладно, а парням ты себя осмотреть позволишь?

Марк, который искренне надеялся обойтись без таких экспериментов, как-то сразу помрачнел и, поникнув, тихо, но тяжело вздохнул. Пашка, от медицины вообще очень далекий, растерянно заморгал и пару раз красноречиво кашлянул.

Вольфганг перевел взгляд с одного на другого из русских «докторов» и, явственно сомневаясь, еще раз кивнул. Затем перевел взгляд на девушку.

– Только отвернись... пожалуйста.

Тата, которая к немцу питала определенную слабость и вовсе ничего не имела против того, чтобы увидеть его наполовину обнаженным, выразительно фыркнула и, помахав в воздухе рукой, демонстративно направилась к книжным полкам.

– Можете считать, что меня здесь нет, мальчики!

Мальчики, все трое, переглянулись и, прореагировав кто насмешливой улыбкой, кто смешком, а кто и вздохом, все-таки решили приступить к делу.

Вольф, действуя все еще без особенного желания, ежесекундно косясь на девушку, принялся осторожно расстегивать рубаху, аккуратно освобождая раны от прилипшей к ним ткани; его добровольные помощники безропотно ждали результата.

Марк хмурился; Пашка, изначально казавшийся довольно веселым, серьезнел все больше. Тата тихо тосковала возле книжных полок, изучая корешки незнакомых фолиантов.

Немец аккуратно стянул пропитанную кровью рубашку и, почти уронив ее на пол, немного расправил плечи.

– Та-ак... – Марк закусил губу. То, что особенной помощи оказать он не сумеет, было ясно сразу – в конечном итоге, парень был самым обычным человеком, врачом так и не стал, да и необходимых приспособлений при себе отнюдь не имел. Вольфганг же был ранен на совесть.

Левая рука его была пробита пулей ниже плечевого сустава; на правом боку виднелось несколько глубоких ссадин, уже не кровоточащих, но вполне устрашающих; слева на животе прослеживались следы от ножевых ударов, да к тому же...

– У тебя ключица перебита? – Марк, хмурясь, склонил голову набок, изучая пациента пристальным взглядом, – Вольф, черт возьми... и ты говоришь – ничего страшного?? Сейчас с такими ранениями тебя бы не пустили просто так гулять, сейчас тебя упекли бы в больницу на несколько недель, если не на месяц!

– Фридриху было хуже, – упрямо отозвался немец, созерцая парня исподлобья, – У меня царапины.

– Ну да, на войне свое понятие о том, какие должны быть царапины, – Пашка покачал головой, – Как бы там ни было... что делать, я не знаю. Но хотя бы чисто символически перевязать тебя следует – я не хотел бы, чтобы случайно избежавший смерти на войне человек откинулся из-за нашего неумения!

Девушка, с преувеличенным вниманием изучающая корешки книг, а на деле прислушивающаяся к беседе за спиной, наконец, не выдержала.

– Где вы бинты-то возьмете, врачи-экспериментаторы? – вежливо осведомилась она, упрямо глядя на какой-то фолиант, стоящий на полке почему-то не ровно, а полубоком.

– Нож, рубашка – и куча бинтов готова! – Пашка кровожадно размял пальцы, опуская взгляд на рубаху Вольфганга, – Тебе же ведь ее не жалко, правда? В конце концов, она ведь уже того... изрядно порвана и потаскана.

– И дезинфекции никакой... – Марк тяжело вздохнул, – Вообще, самым разумным выходом было бы вызвать «Скорую». Или, по крайней мере, уйти отсюда и попытаться добраться до цивилизации.

Тата, картинно перелистнув страницу того самого загадочного фолианта, язвительно улыбнулась.

– Напоминаю – наши с тобой телефоны не ловят, а Пашкин сел. А если бы и не сел, у него там все равно навигатор паленый!

Немец, на сей раз слов девушки определенно не понявший, уставился на нее растерянным взглядом, честно пытаясь сообразить, о чем сейчас шла речь. Причем здесь навигатор? Вроде это не авиация, да и ребята явно не на самолете прилетели... И как навигатор может быть «паленым»?.. Или, может быть, самолет потерпел крушение, взорвался, навигатор погиб, а они... они так спокойно рассуждают об этом?? И это ему еще казалось, что они далеки от войны! Да они, похоже, хуже гестапо! С таким хладнокровием говорить о страшных происшествиях, и это слова девушки! Сумасшествие какое-то.

И как телефон может что-нибудь «ловить»?.. И как он может «сесть»?!

– Со словами-то поосторожнее, – Марк, заметив, как смешался их подопечный, покачал головой, – Тут есть те, кто их не понимает... Извини, Вольф, мы тебе потом объясним все. Тата хотела сказать, что у нас нет связи с внешним миром, нет карты, и как покинуть это место, мы себе не представляем. Мы и сами здесь-то оказались потому, что заблудились... – он вздохнул и, махнув рукой, перевел взгляд на приятеля, – Как успехи с бинтами?

Пашка, отчаянно воюющий с плотной тканью рубахи Вольфганга при помощи столового ножа – одного из немногих дополнительных приборов на столе, – чертыхнулся и, бросив оба предмета, поморщился.

– Я сдаюсь, рубашка меня победила. Это нереально разрезать! Может, тряпочки какие-то здесь найдем?

– Я в порядке... – немец, все еще поглядывающий на загадочных русских с подозрением, предпринял новую попытку отказаться от помощи, – Не надо... Вы хотели узнать, что наверху? Вы теряете время...

– Времени у нас вагон... – отстраненно отозвалась девушка, на сей раз и в самом деле вчитавшаяся в книгу, увидевшая в ней что-то, чего никак не ожидала, – Можем терять до бесконечности... А ты не можешь ходить с ранами нараспашку. Слушай, Вольф, – она внезапно повернулась, в упор взирая на моментально смутившегося этим и попытавшегося дотянуться до мундира молодого человека, – Ты говорил что-то о костях... Тот проклятый ребенок, кости... что он с ними делал?

Парень, от растерянности даже выронивший только, было, поднятый мундир, уставился на нее откровенно недоумевающим взглядом и пару раз потрясенно моргнул.

– Ich verstehe nicht... – он мотнул головой, – Извини... Я не понимаю. Что значит – делал?.. Он сидел среди них, как... прятался, скрывался! Что он должен был делать?..

– Даже не знаю, – Тата задумчиво сдула с глаз челку и опять обратила взгляд к книге, – Может, он из них трон смастерить пытался?

Молодые люди, втроем ничего не понимающие, медленно переглянулись, затем вновь устремили взгляды на нее.

– Ты о чем?.. – Марк, хмурясь, шагнул ближе к сестре, – Ты что, что-то нашла?

Девушка не стала спорить.

– Ага, – легко отозвалась она, – Симпатичную книжку «Опасные создания, не вошедшие в прошлый том».

– Прошлый том чего? – не понял Пашка, и Тата недовольно от него отмахнулась. Вдаться в такие подробности ей сейчас не хотелось.

– В прошлый том про этих созданий! Здесь сразу же, на первой странице начинается длинная статья о... – она выдержала паузу, обвела собеседников значительным взглядом и негромко закончила, – Темпорах.

Вольфганг, забывая про собственные раны, забывая, что наполовину обнажен, вскочил на ноги, глядя на новую знакомую с изумлением и страхом одновременно. До сей поры он, похоже, еще надеялся, что странное слово, услышанное из уст того ребенка, можно считать чем-то... нереальным, чем-то ошибочным, но теперь!..

– Что?!

– Да-да, – девушка воодушевленно кивнула, – И, судя по всему, тот ребенок был каким-то еще зародышем темпора, потому как обычно они выглядят все-таки постарше. Хотя детьми, наверное, тоже бывают, конечно. Кстати, версия с ребенком, который решил просто поиграться, вполне правдоподобна, Паш, одно очко в твою пользу.

Пашка, безусловно, польщенный таким неожиданным признанием его правоты, озадаченно моргнул и, переглянувшись с другом, нахмурился. Немец, замерший перед ними, тоже определенно ничего не понимал, подсказки было ждать неоткуда, а Тата, по-видимому, хотела подольше сохранить интригу.

– Можно более подробно сейчас? – ее брат, вежливо кашлянув, чуть приподнял брови, – Все, что ты говоришь, безусловно, очень интересно, но пока что все, что ты делаешь – это пугаешь Вольфа. Мы же ничего не понимаем.

Девушка тяжело, обреченно вздохнула и, хладнокровно усевшись прямо на пол, скрестила ноги по-турецки, принимаясь рассказывать. Вольфганга такая ее поза несколько смутила, но тот факт, что новая знакомая носит все-таки штаны, а не юбку, несколько примирил его с действительностью.

– Итак. Здесь, в этой книге, имеется очень большая и длинная статья или заметка о темпорах, которую целиком я, конечно, не прочитала, – Тата быстро улыбнулась, – Но и того, что успела выхватить, вполне достаточно. Значит, темпоры сами по себе, в общем и целом, существа не злые. Они не хотят причинять вред, они просто жаждут жить в покое и, иногда – в развлечении. Но и то, развлекаться они начинают, если их потревожить. Темпоры появляются на свет крайне редко, производят их, как правило, другие темпоры, которые, оставив потомство, умирают. Точнее, «прекращают существование», «останавливают свое время» – так написано это здесь. Насколько я поняла, это продиктовано тем, что темпоров не может и не должно быть слишком много, они могут жить бессчетное множество лет и, фактически, рождением ребенка знаменуют конец своей жизни и своей миссии в ней. Про миссию здесь довольно смутно... – девушка глубоко вздохнула, опуская взгляд на книгу, – Темпор – существо, которое способно буквально «играть» со временем. Но не с общечеловеческим, не в глобальном смысле – темпоры могут перемещать временной отрезок относительно конкретного человека или места. Ну, или перемещать во времени человека. Если говорить о нашей ситуации – ребенок не мог изменить все время мира и закончить войну раньше срока, но он вполне способен был перенести одного солдата на несколько десятков лет вперед... Не знаю, почему.

– Потом разберемся, – Марк сдвинул брови, серьезнее на глазах, – Дальше.

– Дальше... – его сестра поморщилась, – Перемещая людей по времени, они не всегда заботятся об их сохранности и, в случае чего, подпитывают себя той энергией, что человек теряет... погибая. Известно, что от погибших остаются кости, много костей, и темпор мастерит себе из них трон, восседая на нем и наслаждаясь своим могуществом; что он свято заботится о сохранности этих костей и не позволяет никому проявлять непочтения к ним. Если

же непочтение все-таки будет проявлено – он может наказать. Бывали случаи, когда темпоры запирали неугодных им где-то в темнице безвременья, и подпитывали свою жизнь их жизненными силами. До тех пор, пока люди не иссыхали до состояния скелетов и не становились остовом трона... – девушку передернуло, и она поспешила оставить неприятную тему, – Так вот, они могут также изменять течение времени в каком-то одном, отдельно взятом месте. То есть, например, как говорил Вольф – они подошли к башне и звуки войны исчезли. Потому что здесь, во владениях темпора, войны не было, он запретил ее... Хотя, наверное, это произошло поздно, – Тата тяжело вздохнула, – Новорожденные темпоры могут долго дремать, прежде, чем начнут развиваться, и развитие их, как правило, стимулирует какое-то очень мощное событие, или чувство. Например, страх или внезапная радость, хотя второе маловероятно. Если принять версию с темпором за правду, то, наверное, можно предположить, что его пробудила ото сна война... – рассказчица неловко пожала плечами, – Этот замок ведь был разрушен, может быть, сюда попал снаряд, ребенок напугался и начал расти. Темпоры развиваются не так, как люди, временем для самих себя они тоже могут вертеть, как захотят, поэтому никогда нельзя предсказать, каким ты увидишь темпора в следующий раз. Понять, что в округе завелся темпор, можно, конечно, по странным событиям, связанным со временем и... по часам. Говорят, что, если рядом темпор, песок в песочных часах никогда не кончается. В *любых* песочных часах. Не знаю точно, как это выглядит на практике, но тут так написано... – Тата виновато развела руки в стороны, – Ну... в общем, все. Если что-то еще есть, то до этого я не дочитала. Скажете, бред?..

Пашка потер подбородок и, глубоко вздохнув, очень мрачно кивнул. Признать рассказ бредом ему хотелось безмерно, так и чесался язык весело воскликнуть, что подруга спятила от переживаний, раз верит в такую чушь, но... было что-то, что мешало так поступить.

– Бред-то бредом, – задумчиво вымолвил он, переводя взгляд с одного из своих ошарашенных друзей на другого, не исключая и Вольфганга, – Но... вы помните, я сказал, что нашел кое-что интересное наверху, а Марк меня сдернул? – он дождался несинхронных кивков и, мрачней все больше, уставился в пол, – Там была комната с камином. И на камине стояли песочные часы.

Марк шумно сглотнул, разрушая воцарившуюся в библиотеке тишину, зябко повел плечами и, пытаясь не допустить паники ни в своей душе, ни в душах друзей, осторожно кашлянул.

– Значит, я резюмирую. Мы заблудились в лесу, торчим в полуразрушенном строении, не зная, как выбраться; с нами немецкий солдат Второй мировой, раненный, которого мы не знаем, как лечить и, до кучи, какой-то невнятный монстр. Который может отправить нас всех к черту на рога исключительно по своему желанию. Так?

Девушка, внимательно выслушав его, нахмурилась и отрицательно покачала головой. С ее точки зрения, брат все-таки несколько преувеличивал масштабы проблемы.

– Не совсем. Во-первых, темпор здесь нигде не называется монстром – они, судя по всему, выглядят вполне как люди, да и потомство от людей производят. Во-вторых, если его не трогать – он нас тоже не тронет. Поэтому я предлагаю собраться и по-тихому свалить куда-нибудь подальше... Лучше мы в лесу будем блуждать, чем тут.

Пашка, в целом, не возражающий против такого расклада, задумчиво почесал подбородок и, окинув элегическим взглядом большой стол с остатками вчерашнего пиршества, вздохнул.

– А еду мы откуда возьмем?.. Кстати, – его внезапно осенило, – Так это что... выходит, это этот темпор нас накормить решил?? Мда, ребят, по-моему, мы все-таки попали... – парень ошутимо сник, – Если он знает, что мы голодны, если покормил нас – он уже начал с нами играть, и что делать...

– Не паниковать, – Вольфганг, на удивление сохраняющий способность мыслить здраво, да и вообще ведущий себя довольно спокойно, нахмурился и принялся все-таки натягивать вновь подобранный с пола мундир, – Уйти я отсюда не могу – где-то здесь должен быть Фридрих, я не хочу бросать его. Может быть... в самом деле, если мы не тронем этого ребенка...

Пашка красноречиво закатил глаза, всплескивая руками и раздраженно поправил хвостик.

– Вольф, мы-то его не трогаем! Это он к нам прицепился – еда среди давно заброшенной библиотеки явно дело его рук, и я клянусь, что тот же самый подсвечник видел на лестнице, а теперь...

– Паш, – Тата укоризненно погрозила приятелю пальцем, – Ты заговариваешься. И, по моему, паникуешь. В конце концов, ребята, мы же взрослые люди, почему мы должны верить в бредни из старой книжки? Может, у всего этого есть вполне рациональное объяснение, может, все не так уж... фантастично?

Немец, старательно застегивающий мундир, быстро глянул на брата девушки и, тонко улыбнувшись, покачал головой. С его точки зрения, Тата была настроена как-то чересчур уж оптимистично или, может быть, прагматично, что в любом случае вряд ли соответствовало ситуации.

– Но ведь я здесь, – негромко произнес он, – Здесь... хотя должен был оставаться в сорок третьем году. Может быть, должен был умереть там. Разве можно объяснить то, что я оказался в этом времени как-то иначе? И тот ребенок! – парень не дал собеседнице ответить, сдвигая брови, – Я ведь видел его, видел, как сейчас вижу тебя! Тот ребенок, кости... Фридрих... – он вдруг содрогнулся и на мгновение умолк. Когда же возобновил речь, голос его дрожал.

– Фридрих... подходя к ребенку, он... он оттолкнул несколько костей... Ты говоришь, они не терпят неуважения к ним?..

Вновь воцарилось молчание. Мысль немца была ясна всем, и ужасала всех в не меньшей степени, чем его самого, но подтверждать или опровергать ее никто пока не спешил. Пашка поежился, отступая назад и глядя на книгу в руках девушки с почти суеверным ужасом. Марк, хмурясь, обнял себя руками. Тата, избегая прямого ответа, опустила взгляд к книжным страницам.

– Здесь так написано, – негромко, почти виновато произнесла она, – Сказано... Что они не терпят непочтительного отношения к костям, из которых сложен их трон. Но ведь тогда трона еще никакого не было!

– А сейчас он есть? – Пашка нервно хихикнул, опуская взгляд вниз и очень явственно пытаясь увидеть, что происходит под полом, – То есть, мы тут ходим, разговариваем, а где-то там, глубоко внизу, на троне из костей сидит страшный темпор, прикидывающийся маленьким мальчиком? Ребят, вот честно – я не трус. Но я предлагаю по-хорошему отсюда удрать, чтобы больше не тревожить бедного ребенка и не провоцировать его.

Марк, по-видимому, искренне заинтересованный этими словами, немного склонил голову набок, вглядываясь в друга.

– То есть, по-твоему, мы его провоцируем? Любопытно, чем же?

– Кормить нас заставляем, – буркнула Тата и, тяжело вздохнув, перелистнула страницу книги, – Что делать-то будем?

Вольфганг едва заметно поморщился, с небольшим трудом скрепя руки на груди.

– Я не могу уйти отсюда. Я должен найти Фридриха, если для этого придется снова спуститься в подвал... если придется заставить этого проклятого ребенка... – он скрипнул зубами, не продолжая.

Марк неодобрительно покачал головой.

– А он просто возьмет и отправит тебя обратно в прошлое, в твой проклятый сорок третий... Вольф, я, конечно, все понимаю, честно. Но, говоря откровенно, потерять тебя мы уже как-то не готовы.

– Это уж точно, – буркнула девушка, смутно пытаясь что-нибудь прочитать, дабы обнаружить какую-то надежду, найти что-то, могущее помочь им, но постоянно отвлекаясь, – Да и в подвал меня как-то вот совсем не тянет. Может, сходим наверх, посмотрим на те часы? – она подняла взгляд, робко оглядывая собеседников, – Вдруг мы ошиблись, вдруг там песок уже давно кончился, а мы тут напрасно паникуем...

– И тебе не страшно? – Пашка подозрительно прищурился, – Совсем-совсем не боишься убедиться, увидеть что-то... загадочное?

Тата выразительно фыркнула и, захлопнув книгу, решительно поднялась с пола.

– Я куда больше боюсь сидеть здесь, ничего не зная и не понимая, строя какие-то догадки и пугая себя еще больше. Лучше уже определиться однозначно, понять все и сразу. Пошли! Паша, ты покажешь дорогу.

Парень, не слишком воодушевленный такой перспективой, несколько сник и безрадостно кивнул. Самому ему идти наверх и убеждаться в подозрениях как раз не очень хотелось, но, вместе с тем, он не мог и не признать правоту подруги – запугивать самих себя, томясь в неизвестности, было делом весьма неблагодарным.

– А что мы будем делать, если убедимся, что это и в самом деле темпор? – Вольфганг, предпочитающий в основном слушать, а не говорить, осторожно кашлянул, шагая вперед, – Как вернуть... как спасти моего друга?

– Сначала убедимся, а потом будем решать, – Марк резко махнул рукой, будто разрубая воздух, – Все, баста. Идем наверх. И да, Вольф... – он неожиданно улыбнулся и мягко хлопнул немца по плечу, – Фридриха мы не бросим. Знаю, в твоё время к русским вы относились иначе, но, клянусь...

– Марк, – солдат улыбнулся в ответ и покачал головой, – Я не сомневаюсь, что вы не бросите ни меня, ни его. Вы хорошие люди, я вижу это... Просто не хочу, чтобы вы пострадали из-за меня. Если у темпора и есть недовольство кем-то – то это я, а не вы. Хотя я костей не трогал...

– Разберемся, – Пашка, всецело поддерживая друга в благородном порыве оказать помощь немцу, и к тому же вдохновленный перспективой пока не спускаться в подвал, решительно кивнул, – А теперь за мной! Тут главное – подняться, потому что лестница не слишком ровная, да и валяется на ней черти что... Раненный, не споткнись.

Раненный усмехнулся, легко склоняя голову – к поведению новых друзей он уже начинал привыкать, и с каждым мигом ловил себя на том, что все больше и больше привязывается к ним.

– Хорошо, – отозвался он и, глубоко вздохнув, аккуратно поправил мундир, пытаясь не подать виду, как неприятно грубая ткань касается еще не слишком хорошо затянувшихся ран.

– Кстати, тот факт, что ты так скоропостижно выучил русский тоже явно можно отнести к заслугам темпора, – заметила девушка, одергивая собственную футболку и уже направляясь вместе с друзьями к выходу из библиотеки. Вольфганг с живым интересом воззрился на нее.

– Как связаны время и язык?

– Непосредственно, – отозвался вместо сестры Марк, – На изучение языка требуется время, тем более, что русский считается сложным. Тебе же удалось за одну ночь, поспав на учебнике, выучить его настолько, что ты свободно общаешься с нами. Тата права – это заслуга темпора.

Немец, этой перспективой совершенно не воодушевленный, глубоко вздохнул и, опустив плечи, мимолетно поморщился.

– Но в таком случае получается, что Пауль прав – он уже взялся за нас. Еда в библиотеке, то, что я выучил язык... Не говоря уже о том, что я оказался здесь!

Пашка, вполне польщенный признанием его заслуг, но не обрадованный им, дернул уголком губ и быстро кивнул. Лицо его было мрачно.

– Понять бы еще, чем нам грозит то, что он за нас взялся и к чему это может привести. Если этим темпорам нравится играть... кто его знает, куда он нас заиграет.

...Подъем по лестнице, вопреки Пашкиным предупреждениям, оказался вовсе не так уж и тяжел – ступени были достаточно пологими, шагалось по ним легко, и единственным затруднением могли являться многочисленные предметы, в беспорядке по ним разбросанные. Сами ступеньки кое-где тоже обвалились, попала даже одна практически полностью разрушенная, но переступить через нее труда не составило.

Вольфганг, чьи раны были осмотрены, но облегчения которому это не принесло, поднимался с большой осторожностью, придерживаясь за сохранившиеся с одной стороны перила, но виду, что ему трудно, не подавал. Он, в конце концов, просто не мог себе этого позволить – он ведь был мужчиной, солдатом, путь и раненым, а рядом с ним легко шагала симпатичная девушка. Перед ней молодому человеку невольно хотелось показать себя сильным и нестигаемым, хотя причину этого он пока и сам бы затруднился назвать. В целом, к своим новым русским знакомым он ко всем относился с одинаковой теплотой, никого пока не выделяя.

Марк и Пашка шагали впереди, готовые защитить своих спутников, настороженные, напряженные и непрестанно прислушивающиеся, и приглядывающиеся. Ни один шорох, ни один, даже самый легкий звук, не оставались без их внимания, и порою резкий поворот головы кого-нибудь из предводителей маленького отряда пугал их спутников.

В целом, в башне было тихо. Единственные звуки, какие доносились до слуха молодых людей, производились их собственными ногами, особенно когда на лестнице вдруг попадался какой-нибудь листочек бумаги, который, отлетев от легкого движения воздуха, начинал тихо шелестеть вниз по ступеням, но парни все равно предпочитали держаться настороже.

Слишком уж опасной могла оказаться вдруг эта тишина, слишком неприятная и, чего греха таить, страшная угроза затаилась где-то в ней.

В темпора, в то, что он и в самом деле существует где-то здесь, под каменными ступенями, по которым они поднимаются, все поверили окончательно и бесповоротно. Сомнений быть просто не могло – эта версия была единственным более или менее правдоподобным объяснением всех загадок, окутывающих их с мига прибытия в башню, поэтому теперь оставалось только решать, как жить с этим знанием. Что делать, как защитить себя от произвола ребенка, могущего забросить кого-нибудь из них на неизвестное количество лет вперед или назад, просто чтобы «поиграть»? Позабавиться!

Наверное, лучшим выходом было бы все-таки попытаться покинуть это место, уговорить Вольфганга отказаться от поисков друга, увести его с собой... Но, говоря откровенно, в душе каждого из трех русских с каждым мигом все больше и больше крепла уверенность, что просто так темпор их из рук не выпустит.

Так не бывает. Так просто не случается никогда – если они наткнулись на какую-то тайну, если прознали о существовании какого-то странного создания, то это создание не оставит их в покое! Это было бы слишком просто, и уж точно не по законам жанра.

Тата тихонько вздохнула и, остановившись на секунду, быстро оглянулась на Вольфганга. Поднимались они уже долго, и она опасалась, что раненый мог устать. Немец, действительно немного побледневший, заметив устремленный на него взгляд, тотчас же растянул губы в улыбке и даже попытался выпрямиться, всем видом показывая, что он в совершенном порядке.

– Мог бы этот темпор и бинты нам наколдовать, – недовольно пробурчала девушка, окидывая пострадавшего долгим взглядом и качая головой, – Какая-то однобокая у него забота – накормить-напоить, и все. Даже спать приходится на полу!

– Перестань возмущаться, – ее брат, поднявшийся немного выше, тоже притормозил, оглядываясь через плечо, – По словам Вольфа, этот ребенок обитает как раз под лестницей, не исключено, что он может тебя услышать.

– Ну, и пусть слышит! – совсем возмутилась Тата, – Он, в конце концов, хозяин этого места, если заботится о гостях – так пусть заботится сполна!

– Меня бы устроило, если бы он заботливо вернул Фридриха... – пробормотал Вольф и, сжав на секунду губы, подавляя болезненный спазм, решительно продолжил подъем.

Идти оставалось недолго. Башня хоть и была высокой, все-таки имела свои пределы, да и Пашка уже до верхней ее части добирался, поэтому задача, поставленная путниками перед собой, была вполне выполнимой.

– Пришли, – парень остановился, привычным движением поправляя коротенький хвостик на затылке, – Вот эта дверь, за ней комната... Только сразу предупреждаю – зрелище не самое обычное, не самое приятное, и в общем и целом... не визжать. Окей?

– Заметано, – буркнула девушка и, наткнувшись на недоумевающий взгляд немца, только отмахнулась от него. Вдаваться в подробности русского сленга ей сейчас не хотелось.

Впрочем, Вольф и не настаивал. Удивился он скорее по привычке, не слишком заостряя внимание на странных речах новых друзей, и куда больше был заинтригован тем, что же прячется за упомянутой дверью, возле которой они остановились.

Пашка глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду, и резко распахнул ее, сам отступая немного назад.

Марк, Тата и Вольфганг, чрезмерно заинтересованные, в свой черед подались вперед, чуть-чуть оттирая первооткрывателя и заглядывая в распахнутую комнату.

Первым свое впечатление выразил Марк, просто длинно присвистнув. Его сестра, пораженная не меньше, ошарашенно покачала головой.

– Фига себе... – выдавила она и, сообразив, что немец, скорее всего, вновь не поймет ее слов, виновато улыбнулась, устремляя на него взгляд.

Однако, Вольфгангу было не до того, чтобы разбираться в хитросплетениях русского языка.

Он смотрел. Смотрел, приоткрыв от изумления рот, расширившимися глазами на небольшую, очень уютную и по-своему симпатичную комнатку, действительно украшенную камином. Комнатку, где находился удобный письменный стол, стояло глубокое кресло и несколько шкафов с книгами, где, должно быть, когда-то работали или просто хорошо проводили время. Комнату, половины которой просто не существовало.

Она обрывалась в пустоту, пол заканчивался провалом, а дальняя от входа стена отсутствовала, открывая чудесный вид на бездну, над которой они только что поднялись. Там синело ясное небо, там плыли по нему редкие облака, светило солнце; там звенел прозрачный, хрустальный воздух, удивительно чудесный, умиротворяющий и не менее устрашающий с этого ракурса.

Солдат сглотнул и, не в силах выдать ни звука, отшатнулся. Пол внезапно показался ему излишне шатким, неустойчивым, да и самая башня начала казаться хлипкой, готовой развалиться в любую секунду, и безмерно захотелось спуститься вниз. Там, в библиотеке, он, по крайней мере, мог быть уверен, что не свалится с огромной высоты.

– Так, и... – девушка, старательно не допуская в свою душу паники, сглотнула и сдвинула брови, – Где часы?

– На камине, – легко отозвался Пашка, сочувственно глядя на немца: ему показалось, что бедняга испугался высоты, – Камин в комнате. Только подходить близко я не советую – кто знает, когда пол обвалится?

– Пол выглядит довольно крепким, да и не обвалился же за столько лет, – рассудительно отозвался Марк и, заинтересованно склонив голову набок, прибавил, – К тому же, в камине, по-моему, тлеет огонек.

– Где?!

Пашка, Тата и Вольф подались в едином порыве вперед так резко, что едва не затолкали стоящего первым Марка в комнату, чему тот решительно воспротивился. Полу молодой человек все-таки не слишком доверял, и рухнуть вниз как-то совсем не горел желанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.